

Дарья Донцова

Не секретные Материалы

ИРОНИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

ЭКСМО

Любительница частного сыска Даша Васильева

Дарья Донцова

Несекретные материалы

«ЭКСМО»

2000

Донцова Д. А.

Несекретные материалы / Д. А. Донцова — «Эксмо»,
2000 — (Любительница частного сыска Даша Васильева)

Беда никогда не приходит одна. Кто-то подсовывает труп в багажник `Вольво` Дарьи Васильевой, а затем бесследно исчезает ее давний приятель Базиль Корзинкин. Отчаянная любительница частного сыска, Даша бросается ловить убийц и похитителей. Преступники ловко заматают следы, обрывая все нити, которые ей удастся нащупать. Но когда два этих дела неожиданно сплетаются в одно, Дарья понимает, какой змеиный клубок она разворошила...

© Донцова Д. А., 2000

© Эксмо, 2000

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	10
Глава третья	16
Глава четвертая	21
Глава пятая	28
Глава шестая	35
Глава седьмая	39
Глава восьмая	45
Глава девятая	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Дарья ДОНЦОВА

НЕСЕКРЕТНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Глава первая

Октябрьский день плавно приближался к вечеру. Солнце еще довольно ярко светит, но в воздухе уже чувствуется дыхание зимы. Я стояла в пробке на Волоколамском шоссе и соображала, успею ли приехать домой к восьми. В 20.00 НТВ собиралось показать детектив с моим обожаемым Пуаро. Следовало вознаградить себя за часы, бесцельно проведенные в магазинах. Невестка отправила меня купить новые гардины для столовой, но, несмотря на все поиски, ничего подходящего на глаза так и не попало.

Вереница машин продвигалась вперед черепашным шагом. Справа показался вещевого рынок, и в ноздри внезапно ударил запах жарящихся чебуреков, тех самых – с начинкой из собачатины. Желудок жалобно сжался, и ужасно, просто невыносимо захотелось проглотить отвратительное кушанье. Я запарковалась у входа и, вылезая из «Вольво», попробовала урезонить бунтующий аппетит. Небось готовят на машинном масле и тесто хватают немытыми руками... Полная угрызений совести и тихо злясь на себя за чревоугодие, я уже хотела хлопнуть дверцу, как началось нечто, напоминающее киносъемку гангстерского фильма.

Откуда ни возьмись появились мужики в камуфляже и черных шапочках-шлемах. Над площадью зазвучал отборный мат. Торговцев словно ветром сдуло. Кто укрылся в железном вагончике, кто забрался под столики-прилавки.

Когда послышались первые выстрелы, я, долго не раздумывая, юркнула за «Вольво» и растянулась на грязном асфальте, стараясь стать как можно более незаметной. Авось пронесет и останусь жива. Из-за низкого автомобиля трудно наблюдать за побоищем. А оно развернулось не на шутку. В узкую щель были видны только бегающие взад и вперед ноги в фирменных ботинках, слух услаждался невероятными выражениями.

Одна из схваток завязалась прямо около «Вольво», машина задергалась. От ужаса я закрыла глаза и принялась возносить молитвы к богу почему-то на латинском языке. Но тут завывли сирены. Ботинки унеслись, на их место примчались другие – попроще и подешевле, зато мат остался прежним – густым и крепким. Наконец воцарилась относительная тишина, прерываемая отдельными выкриками. От ужаса почти перестала соображать. Тут к «Вольво» подошли черные сапоги, и раздался молодой звонкий голос:

– Эй, есть кто живой?

– Здесь! – крикнула я из-за машины.

– Вылазь, – велел мужчина.

Кое-как, кряхтя и сопя, я поднялась на ноги и обозрела пейзаж. На площади царил погром. Большинство торговцев отряхивались и пытались собрать разбросанный товар. Возле будки с чебуреками лежала убитая собака и виднелись непонятные кучи: то ли вещи, то ли трупы. Стараясь не смотреть в ту сторону, я почесала грязной рукой нос и сказала стоящему рядом милиционеру:

– Здравствуйте.

– Документики предъявите, – не пошел на контакт страж закона.

– Зачем? – возмутилась я. – Вы должны охранять покой мирных граждан, а не требовать у них документы. Что же такое делается, просто чебуреков захотелось, вот и остановилась здесь...

– Документы на машину, права и паспорт, – продолжал оставаться неприступным милиционер.

– Не дам, – обозлилась я.

– Ну, тетенька, – неожиданно по-детски заныл проверяющий, – вам жаль, что ли? Служба такая...

Я поглядела на его по-детски круглое лицо, покрытое мелкими веснушками. Тощенькая шейка выглядывает из широкого воротничка форменной рубашки... И чего я на него обозлилась?

Вздыхнув, влезла в «Вольво» и подала мальчонке требуемое. Парнишка взял синенькую книжечку и протянул:

– Так вы иностранка, французенка.

– Как видишь...

– Здорово по-русски говорить научились, – восхитился мальчишка, – без акцента...

Потом, очевидно, решил соблюсти дипломатический этикет и церемонно произнес, отдавая честь:

– Можете проезжать, приношу извинения за инцидент.

– Что тут произошло? – спросила я, пряча бумаги.

– Да вот, братки территорию делили, – вздохнул милиционер, – спор у них вышел.

– Ладно, – пробормотала я, захлопывая дверцу.

– Тетенька, – поскребся в стекло патрульный, – вы бы умылись тут в туалете, а то грязные – жуть.

Проигнорировав дельное предложение, завела мотор и покатила домой, в поселок Ложкино.

Милиционер, милый мальчик, заблуждался. Я русская, хотя имею в сумочке паспорт гражданки Французской Республики. Впрочем, на французском говорю, как по-русски, бегло, без ошибок и акцента, ибо всю свою сознательную жизнь преподаю студентам бессмертный язык Золя и Бальзака.

Долгие годы моя преподавательская деятельность уныло протекала в заштатном техническом институте, на кафедре иностранных языков. Платили мало, постоянно подрабатывала частными уроками. Приходилось все время думать о том, как прокормить семью. А домашних много – сын Аркашка, невестка Оля, дочка Маша, парочка собак, три кошки, несколько хомяков, белая крыса и ближайшая подруга Наташка. Давно заметила, что родственниками становятся по жизни. Родные сестры не бывают так близки, как мы с Наташкой. Поэтому, когда после развода свекровь выгнала ее из дома, а мачеха не пустила в родную квартиру, Наталья перебралась к нам в двухкомнатную «распашонку» в Медведково, и все домашние восприняли это как нечто совершенно естественное.

Жить бы нам в нищете, считая копейки, но неожиданно случилось чудо. Наталья вышла замуж за француза и укатила в Париж. Следом за ней отправилась вся семья погостить. Но не успели мы подивиться Наташкиному благополучию, когда ее мужа, барона Жана Макмайера, убили. В одночасье подруга оказалась невероятно богатой дамой.

Трехэтажный дом в предместье Парижа, коллекция уникальных картин, отлично налаженный бизнес, километровый счет в банке – вот далеко не все, чем она стала единолично владеть, потому что у Жана не оказалось никаких родственников, кроме законной жены.

Сгоряча все решили остаться в Париже и целый год вели бездумную жизнь рантье. Но ностальгия – болезнь неизлечимая, и все чаще домашние стали вспоминать милый сердцу слякотный ноябрь, даже колбаски хотелось, нашей, родной, с примесью туалетной бумаги.

И тут появился закон о двойном гражданстве. Это разом решило все наши проблемы. Теперь каждый член семьи имеет в кармане два паспорта: красный – российский и синий – французский. Мы вернулись в Москву и поняли, что богатому человеку везде хорошо. Построили двухэтажный дом в поселке Ложкино, завели кухарку, домработницу и принялись заниматься тем, о чем раньше могли только мечтать.

Аркашка стал адвокатом. Конечно, пока он не Генри Резник, но все же вполне грамотный специалист. Правда, клиентура его сплошь мелкие жулики. Но даже пьяного дурака, укравшего у лоточника два куриных окорочка, сын страстно защищает, делая ссылки на римское право. Судьи только посмеиваются при виде такого пыла. Но смех приносит хорошее настроение, поэтому обвиняемые получают минимальные сроки.

Его любимая жена Ольга, впрочем, дома мы предпочитаем звать ее Зайчик, штурмует иняз. Три европейских языка плюс арабский.

Не так давно у супругов родились близнецы – Анька и Ванька, поэтому Зайка на какое-то время выпала из учебы. Но сейчас у проказников есть нянька Серафима Ивановна, и Ольга вновь посещает занятия.

Маша ходит в лицей, а по вечерам бежит на подготовительные курсы в ветеринарную академию. Девочка твердо решила стать «собачьим доктором».

– Правильно, – одобряет ее выбор брат, – нам такой специалист необходим.

Что верно, то верно: в доме живет огромное количество животных – питбуль Банди, ротвейлер Снап, пуделиха Черри, мопс Хуч, йоркширская терьерка Жюли, две кошки – трехцветная Клеопатра и белая Фифина, парочка мышей, несколько ящериц и попугай Коко.

Нашла свое призвание и Наташка. Подруга принялась с бешеной скоростью строчить любовные романы на французском языке. Все ее героини – люди искусства и диссиденты, переживающие самые невероятные приключения в лагерях и тюрьмах. Стоит ли говорить, что испытания благополучно заканчиваются пышной свадьбой, причем не где-нибудь, а в Париже. Естественно, продать подобный «салат» на российском рынке просто невозможно, зато француженки приходят от ее продукции в восторг. Наталья разом стала популярна и любима, а про гонорары и говорить нечего.

– Деньги к деньгам, – вздохнула одна знакомая, окидывая завистливым взглядом полку с Наташкиными бестселлерами.

Конечно, со стороны все выглядит крайне просто – сиди себе да води ручкой по бумаге... Но я-то знаю, что Наталья пишет каждый день по пятнадцать страниц, и такая работоспособность вызывает уважение. Попробуйте просто переписать столько листов из любой книги – и поймете, как это трудно! К тому же совершенно не понимаю, откуда она берет сюжеты и как увязывает концы с концами.

Наверное, и не пойму никогда, так как мне господь не отсыпал никаких талантов и я, честно говоря, ничего не делаю. Что у меня отлично получается, так это вляпываться во всякие истории. Ну, например, когда хочешь съесть чебуреки, а попадаешь на бандитские разборки...

Ровно в семь подрулила к Ложкину и, бросив «Вольво» во дворе, со всех ног кинулась в гостиную. Но не успела влететь в комнату, как поняла: телевизор посмотреть не удастся.

На диване, мило улыбаясь, сидела рыжеволосая женщина неопределенного возраста. Незнакомке можно было дать как тридцать, так и пятьдесят. Круглое, до умиления российское лицо, мелкие грязно-зеленые глаза, небольшой нос и рот без четких очертаний. Казалось, кто-то сначала нарисовал немудреные черты, а потом начал стирать ластиком да и бросил на полдороге. Лишь яркий цвет волос выделял женщину. Такого пронзительно-рыжего оттенка я, пожалуй, не встречала.

– Мамуля приехала, – завопила Маня, – смотри, у нас гости. Угадай, кто?

Я вздохнула и попыталась изобразить радость. У каждой медали есть обратная сторона. В нашем случае – постоянные приезжие со всех концов необъятной Родины и ближнего зарубежья. Как только слух о свалившемся на нас богатстве пронесся по Москве, тут же отыскалось невероятное количество родственников.

Я выходила замуж четыре раза. Соответственно, имею в багаже четырех бывших супругов, их матерей, братьев, сестер... Все мужья, разойдясь со мной, начинали благополучно вступать в новые браки, и в родственниках постепенно оказывались их нынешние и брошенные

жены, дети от разных союзов... У Наташки примерно та же картина, но в России она успела побывать в браке лишь дважды. А ведь еще есть приятели, приятели приятелей... список продолжается до бесконечности. В результате и во Франции, и в Москве просто невозможно пожить без гостей. Однажды у нас в Париже полгода жил совершенно очаровательный юноша лет девятнадцати. Я думала, что он Наташкин родственник, а подруга считала, что мой. Недоразумение выяснилось лишь после его отъезда, но мы так и не знаем, как он попал к нам. Интересно, кто на этот раз?

– Меня зовут Галя, Галя Верещагина, – пробормотала женщина, поднимаясь с дивана.

«Меня зовут Бонд, Джеймс Бонд», – пронеслось у меня в голове, и я хихикнула.

Гостя занервничала и принялась объяснять:

– Я дочь ближайшей подруги матери Ляли, второй жены первого мужа Лены, супруги Кирилла.

Я в обалдении уставилась на даму. Без пол-литра не разобраться. Понятно только одно – каким-то образом гостя связана с одним из моих бывших мужей – Кириллом. А в остальном и копать не станем.

– Приехала ненадолго, – продолжала оправдываться Галя, – на пару месяцев всего.

– Конечно, конечно, нет проблем, – постаралась я изобразить улыбку, – места много.

– Ваша девочка такая милая, – вздохнула Галя, – уже показала мне мою комнату. Просто неудобно, столько хлопот.

И она оглушительно чихнула, потом еще раз...

Только больных нам тут не хватает.

– Не волнуйтесь, – поспешила сообщить гостя, – это у меня аллергия на домашних животных.

– Вам у нас тяжело придется, – заявила я, тихо надеясь на то, что дама испугается и съедет.

– Ничего, – успокоила Галочка, – супрастин приму. Кстати, вот письмо от Кирилла.

И она протянула розовый конверт. Сразу узнав крупный четкий почерк бывшего супруга, я развернула листок и углубилась в чтение.

«Дарья, привет!

Как живешь? У меня все нормально. Посылаю тебе Галочку Верещагину. Она милая, но глубоко несчастная женщина. В свои двадцать девять ни разу не была замужем, боюсь, ты не согласишься такому. Живет не так далеко – в Качалинске, но там не городок, а ужас: сплошная химия, кругом одни бабы. Мужика просто не найти, сплошь пенсионеры. Моя Ленка страшно хочет ей помочь, вот и дали твой адресок. Будь другом, там вокруг тебя полно всяких людей, подыщи ей пару. Галя интеллигентный человек, но, к сожалению, соображает не слишком быстро, да и денег особых у нее нет....

Ей бы подошел какой-нибудь полковник. Кстати, твой близкий знакомый, милицкий начальник Дегтярев вроде холостяк... Может, сведешь их? Если Галку приодеть, ничего будет. Извини, что нагружаем, но нам с Ленкой сейчас недосуг заниматься ее устройством – уезжаем отдыхать. Впрочем, на тебя, моя радость, всегда можно положиться. Нежно люблю, твой Кирюшка».

Я сложила послание и, мило улыбаясь, велела принести чай. В душе бунтовали гадкие чувства. Видали, сами уехали отдыхать, а сюда подбросили убогую, которая даже мужика себе самостоятельно найти не может! К тому же ее требуется одеть, причесать, покрасить, хорошо хоть мыть не надо. Представляю, какую рожу скорчит мой лучший приятель полковник Дегтярев, когда представлю ему «невесту». К тому же еще и больная, вон как чихает и носом шмыгает. Но делать-то нечего, придется заниматься проблемой.

Я вздохнула и оглядела стол. Совсем забыла про пирожные. Коробочки с эклерами, корзиночками и трубочками преспокойненько лежат в багажнике.

– Пойду принесу из машины сладкое...

– Давайте помогу, – услужливо предложила Галочка, и мы вместе вышли во двор.

Почти стемнело, но прямо перед входом стоит фонарь, к тому же в «Вольво» зажигается свет. Я подняла крышку багажника и остолбенела. Вместо белых кондитерских коробочек увидела там труп довольно упитанного мужчины. Широко раскрытые голубые глаза, не мигая, смотрели мне прямо в физиономию. Породистое, даже красивое лицо, единственный дефект – маленькая, аккуратная дырочка между бровями. Крови почему-то почти нет.

Галя издала какой-то странный, клокочущий звук и кулем свалилась на землю. Я продолжала рассматривать мужика. Интересно, как он попал в багажник? Абсолютно точно помню, что сама не засовывала туда ничего подобного.

Глава вторая

Вождеденный фильм по Агате Кресте так и не посмотрела. Сначала крикнула Кешу, и он вместе с Машей и Ольгой отволот бесчувственную Галю в гостиную. Домашним пришлось нелегко. На вид милая гостья весит около центнера. Затем вызвала Дегтярева. Полковник старый, испытанный друг. Нашим отношениям столько лет, что и вспомнить страшно. Познакомились еще в те времена, когда Александр Михайлович, стройный, кудрявый и белозубый, учился в Академии МВД, а я подрабатывала там на полставки приглашенным преподавателем французского языка.

С тех пор пролетели годы. Полковник пополнел, растерял часть шевелюры и обзавелся коронками, я тоже не помолодела. Но неизменной осталась дружба. Поэтому в случае неприятностей сразу звоню ему. Александр Михайлович дослужился в системе МВД до звания полковника и стал какой-то шишкой. Я плохо разбираюсь в милицейских чинах, но знаю, что к нему на стол попадают сложные дела.

Минут через сорок после звонка во двор влетели микроавтобус и черная «Волга». Из недр машины выбрался еще один приятель – Женька – и закричал:

– Всем привет, давненько у вас в гостях не был!

– Замолчи, – велел появившийся следом полковник, и Женюрка помчался к «Вольво».

Он эксперт, хотя не уверена, что правильно называю профессию человека, который самозабвенно копается в трупe, чтобы определить причину смерти.

Вокруг багажника запрыгал фотограф, потом прибежали еще какие-то мужики, нас вежливо, но настойчиво отправили в гостиную. Домработница Ирка предусмотрительно заперла всех животных в кухне, и теперь они исступленно царапали дверь, издавая жуткие вопли.

Александр Михайлович сел на диван и принялся заполнять бесчисленные бумажки.

– Где подобрала труп?

– Он сам оказался в багажнике.

– Интересно, – поднял кверху брови приятель, – сам пришел, сам залез, сам стрельнул себе в лоб... Знаешь его?

Я покачала головой.

– Первый раз вижу.

Вошедший сотрудник протянул начальнику довольно пухлое портмоне. Александр Михайлович принялся выкладывать на журнальный столик содержимое. Пять бумажек по сто долларов, три по пятьсот рублей, горсть железной мелочи, штук десять визитных карточек... Я моментально схватила одну: «Никитин Алексей Иванович, генеральный директор издательства «Свеча». Проезд Прямикова».

– Положи на место, – велел полковник.

– Интересно, за что этого Никитина пристрелили? – задумчиво спросила я. – Да еще запихнули ко мне в багажник.

– Может, его вовсе не так зовут, – отметил приятель.

– А карточки?

– Кто-нибудь дал.

– Десять штук сразу?

Александр Михайлович глянул мне в глаза.

– Солнце мое, только не вздумай заниматься частным розыском, все твои, так сказать, расследования обычно плохо заканчиваются.

И он принялся задавать дурацкие вопросы. Машинально отвечая ему, я погрузилась в раздумья.

Вообще-то полковник прав, есть у меня одна страсть. Просто обожаю детективы и пару раз сумела выручить своих друзей из пикантных ситуаций. Вытащила из тюрьмы своего бывшего мужа Макса Полянского, нашла убийцу Ларисы... А тут судьба подсовывает такой шанс! Наверное, следовало в свое время идти учиться не в иняз, а в Академию МВД. К тому же я умна, логична, бесстрашна, абсолютно неподкупна...

– Слушай, – обозлился полковник, – ты о чем думаешь?

– Наверное, пирожные пропали, – быстренько сообщила я.

Александр Михайлович хмыкнул:

– Скорей всего, но даже если они целы, навряд ли твои домашние захотят съесть эклерчики, на которых лежал незнакомый труп.

Я вздохнула – он, как всегда, нелогичен. Мои откажутся прикоснуться к сладостям, даже если на них покоилось знакомое тело.

На следующее утро, спустившись в районе десяти в столовую, я обнаружила за огромным круглым столом лишь отчаянно чихающую Галю. Аркашка, конечно же, на работе, Зайка с Машей учатся, понятное дело, что гостьей придется заниматься мне.

– Какие планы? – фальшиво бодро осведомилась я, наливая традиционно чуть теплый кофе.

Галя пожала плечами:

– Даже не знаю.

– Сейчас подкрепимся и поедем по магазинам, купим кое-какую одежонку, – предложила я.

Верещагина стала пунцовой.

– Не надо, у меня все есть.

– Вот и хорошо, будет еще больше, и потом, скажи, ты же хочешь замуж?

Галя кивнула.

– Значит, надо сразу дать понять возможным объектам, что у тебя особых проблем нет. Отлично одетая женщина с качественной косметикой и хорошей стрижкой имеет больше шансов.

– Мне не нужен человек, который смотрит на платье. Хотелось найти такого, для кого главное – душа.

– Обязательно поищем душевного, а сейчас давай допивай, и поехали.

Галочка положила в небольшую чашку четыре куска сахара и принялась методично размешивать. Под мерный стук ложечки я вышла из столовой. Пожалуй, следует потом объяснить ей, что весить в двадцать девять лет сто кило – это слишком. Но сначала позвоню Алене Кислицыной. Она работает в Институте имени Курчатова, если где и есть холостые мужчины, так это там.

Аленка схватила трубку после первого звонка.

– Кислицына у аппарата.

– Ну даешь, – восхитилась я, – представляешься по полной форме. Скажи, у тебя в отделе есть хорошие женихи?

– Ты чего, – захихикала подруга, – решила на старости лет еще разок под венец сбегать, а болтала – никогда, никогда...

Я вкратце объяснила суть дела.

Алена пришла в восторг.

– Правильно мыслишь, сначала одень, потом своди в парикмахерскую. Что у нее на голове?

Я помолчала секунду, пытаясь подыскать достойное выражение.

– Воронье гнездо.

– Ладно, – окончательно воодушевилась Алена, – конечно, наши мужики все убогие, но можно попробовать. Созвонимся вечером. Кстати, помнишь, что свахе шаль положена? – И она, прихихикивая, положила трубку.

В ГУМе Галя начала обалдело крутить головой по сторонам, но я знала, куда идти. Не прошло и пятнадцати минут, как щебечущие продавщицы подобрали пару платьев, несколько блузок, три юбки, два костюма и элегантное демисезонное пальто. Стараясь, чтобы гостя не увидела чек, я схватила ее за руку и поволокла в обувной отдел.

Там меня поджидал сюрприз – у толстой, неповоротливой гостыи оказался тридцать пятый размер и очаровательная узенькая ножка с крутым подъемом.

– Такая красота просто требует шпильку, – заявил парнишка-консультант.

Несмотря на протесты женщины, я все же приобрела элегантные лодочки на каблук, туфли для сырой погоды, коротенькие сапожки и прехорошенькие домашние тапочки – уютные красивые башмачки на белом меху.

Следующий визит нанесли в салон «Лиза». Директор, стилист и хозяин в одном лице – это хорошо известный в Москве Леня Котов. Надо отдать ему должное: мужик обладает великолепным вкусом, правда, непонятно, почему у самого мастера на голове не прическа, а стог сена.

Леня сердито глянул на съжившуюся Галю и грозно спросил:

– Химию делали?

– На крупные палочки, – проблеяла несчастная.

– А это однофигственно, какого размера палочки-хреналочки, – завел Леня, – волосы все равно погибли...

Зная его жуткую манеру изъясняться в основном матом, я быстренько постаралась ввести стилиста в курс дела.

– Сделайте что-нибудь. Видите ли, мы выдаем Галю замуж, и надо, чтобы...

– Она выглядела целкой, – моментально dokonчил Котов.

Бедная провинциалка стала такого красного цвета, что я испугалась. Давление у бабы небось до двухсот подскочило. Но мастер, не замечая произведенного эффекта, несея дальше.

– Уж извините, но сорокалетнюю бабу делать под инжени-пипи просто глупо! Не ставьте мне таких условий. И вообще, Даша, вы же знаете, я могу работать только по вдохновению. Если хотите завивку дурацкую, топайте в парикмахерскую.

И он глянул на нас откровенно сердито. Я заверила его, что целиком и полностью доверяю вкусу художника.

– Ну ладно, – смягчился стилист и поволок слабо сопротивляющуюся добычу в глубь помещения.

Зная, что одним часом тут не обойдется, преспокойно поехала искать так и не купленные гардины. Звонок мобильного настиг в момент отчаянных колебаний: какой выбрать бархат – желтый или зеленый. Я вытащила мерно пищавший аппарат и услышала голос подружки из Парижа.

– Алло, – кричала Сюжетта, – алло, слышишь меня?

– Просто чудесно, что стряслось?

Сюжетта вот уже двадцать лет замужем за Базилем Корзинкиным. Род Корзинкиных древний, его истоки теряются где-то в петровских временах. Вроде бы в те далекие годы один из крестьян крайне угодил скорому на расправу и награды Петру I. Во всяком случае, дед Базиля всегда рассказывал, как царь якобы взял потрясающе сделанную его предком корзину и провозгласил:

– Мастер великий, быть с нынешнего дня на Руси боярам Корзинкиным.

По мне, так очень похоже на правду. Но как бы там ни было, в 1918 году дедушка Базиля, тогда молодой парень, ухитрился удрать из большевистской России, причем не голым и босым,

как многие, а вывезя за рубеж огромное количество фамильных драгоценностей. Дедуля оказался предприимчивым и, великолепно понимая, что у эмигрантов на границе отнимут все, заливался слезами, отдавая красногвардейцам чемоданы.

– Все забрали, – причитал Николай Корзинкин, прижимая к груди любимую охотничью собачку, спаниеля Фоку. Старый пес, завернутый для тепла в байковое одеяльце, апатично сопел. Прихватив у отъезжающих все, что можно, пограничники ушли. Поезд медленно вкатился на территорию сопредельного государства. Коля Корзинкин перевел дух и размотал поистине драгоценного пса. На животе у собаки, в густой шерсти таилось бесценное жемчужное ожерелье. В уши были засунуты мешочки с мелкими камнями. Самыми крупными бриллиантами, изумрудами и рубинами Фоку просто накормили перед границей. Дали собачке нафаршированные драгоценностями куски мяса. Еще кое-какая мелочь была спрятана в складках одеяльца – так, чистая ерунда – около килограмма разнообразных золотых украшений и три яйца Фаберже...

За день до отъезда хитрый Николай выбрил на морде и голове Фоки несколько участков и густо замазал их зеленкой, а в глаза бедолаге закапали сахарную воду. Веки покраснели, у кобелька начался картинный конъюнктивит.

Когда плешивого пса с текущими гнойными глазами увидели красноармейцы, один, безглаголиво поморщившись, спросил:

– Чего это с ним?

– Да сифилис, – не раздумывая долго, сообщил Корзинкин.

Пограничник отскочил в сторону как ошпаренный и заорал:

– Пристрелю заразу.

– Ой, милый, – принялся рыдать хозяин, – тогда уж и меня вместе с ним. Пожалей нас, возьми что хочешь, только беднягу Фоку оставь.

То ли предложение взять все подействовало, то ли красноармейцы оказались не такими уж злыми, но песик благополучно провез «золотой запас». Стоит ли говорить о том, что собачку дед потом называл не иначе как «мой спаситель» и баловал чрезмерно.

Так Корзинкин осел в Париже и принялся весьма удачно заниматься бизнесом. В семье всегда говорили по-русски, поэтому Базиль, или Василий по-нашему, приезжая в Москву, никому не казался иностранцем. Да и Сюжетта за два десятилетия брака поднаторела в родном языке мужа и стрекотала как сорока, практически без акцента. Но сейчас она в страшном волнении верещала на французском, проглатывая окончания и предлоги.

– Даша, Базиль пропал!

– Куда попал?

– Не попал, а пропал, ты чем слушаешь! – возмутилась Сюжетта.

Оказалось, что вот уже три недели, как Корзинкин уехал в Москву. Базиль владеет крупным издательством «Голос». Долгие годы поддерживал советских диссидентов, поэтов, писателей, печатая запрещенные в СССР произведения. После перестройки переключился на издание современных российских авторов, отдавая предпочтение молодым, открывая новые имена.

Последнее время Базиль зачастил в Москву – у него были там какие-то дела, связанные с бизнесом. Но никогда не задерживался надолго. В этот раз отсутствовал почти месяц. К тому же Корзинкин нежно любит Сюжетту и, где бы ни находился, в одиннадцать вечера по парижскому времени всегда звонит жене и желает спокойной ночи. Но последнюю неделю никаких звонков не поступало. Сюжетта испугалась и попробовала найти человека, с которым Базиль вел дела. Но женский голос ответил, что хозяев уже неделю нет дома. Тогда страшно обеспокоенная Сюзи связалась с гостиницей «Интурист», где Базиль снимал номер. Ей сообщили, что господин Корзинкин отбыл на родину, в Париж, семь дней назад.

И вот теперь, трясаясь от ужаса, она кричала в трубку:

– Даша, попробуй найти хоть какие-нибудь следы! Мне не доехать.

К сожалению, у Сюетты такой полиартрит, что руки и ноги похожи на птичьи лапы и передвигается она с трудом. Лет женщине немного, мы одного возраста, но болезнь сделала ее почти инвалидом.

– Конечно, все будет в порядке, – принялась я утешать подругу, – говоришь, гостиница «Интурист»? А как зовут мужика, с которым он встречался в Москве?

– Никитин Алексей Иванович, хозяин издательства «Свеча», – сообщила Сюзи, и связь прервалась.

Я принялась тыкать пальцем в мобильник, но бесстрастный женский голос без конца повторял: «Абонент находится вне зоны приема».

Я присела в небольшом кафе при магазине и попыталась собрать в кучку расползающиеся, словно муравьи, мысли. Базиль связан с этим Никитиным! Вот это да! Ведь именно его я обнаружила вчера мертвым в багажнике «Вольво».

Один убит, а другой пропал!

Снова затрещал телефон, и я нервно закричала:

– Говори, Сюзи.

Но это оказался Котов.

– Ты что, мне это сокровище подарила? – возмутился стилист. – Приезжай немедленно, здесь народа полно.

Наплевав на шторм, я покатила в салон.

Котов и впрямь постарался на славу. Уж не знаю, какие усилия он приложил для достижения цели, но Галка смотрелась более чем прилично. Лицо приобрело благородный матово-белый оттенок, а веснушки пропали неизвестно куда. Глаза, подкрашенные умелой рукой, неожиданно засверкали, рот стал четким и аккуратным, брови приобрели иную форму... Но самая невероятная метаморфоза произошла с волосами. Кудри, ранее напоминавшие прошлогоднюю солому, были аккуратно подстрижены и красивой шапочкой облегали голову. Цвет их остался по-прежнему рыжим, только оттенок другой – не медная проволока, а свежая морковь.

После всех изменений Галя стала походить на молодую, но, к сожалению, чрезмерно полную женщину.

– Значит, так, – сообщил Леня, вручая мне километровый счет, – слушайте сюда. Самое красивое у данной дамы – ноги, поэтому никаких домашних тапочек и удобненьких мокасин. Только каблук.

– Да я никогда на них не ходила, страшно неудобно, – попробовала сопротивляться гостья.

Но она не знала, с кем имеет дело. Робкие попытки Котов подавил в зародыше.

– Только каблук. Станешь повыше, и жопа меньше покажется. Краситься запомнила как? Верещагина кивнула, не в силах выдать ни слова.

– Купи ей грацию, – крикнул нам вслед Леня, – и затяни жиры потуже, а еще лучше, если бабенка не пожрет неделю-другую...

Это точно. У меня была тетка, полька по имени Кристина, сестра отца. В 1941 году бедняга попала в лагерь смерти «Освенцим» и ухитрилась выжить в нечеловеческих условиях. Тетя Кристина обладала своеобразным юмором и не терпела разговоров про диеты. Когда в ее присутствии заводили песню: «ничего не ем, а все равно толстею», старая дама сдвигала очки на кончик носа и заявляла:

– В нашем бараке тучных не было.

Впрочем, иногда она становилась совсем уж категоричной и советовала:

– Жри меньше, должно помочь.

Провожаемые любезным напутствием стилиста, мы отправились домой. Измученная наведением красоты, Галя отказалась от обеда и, выпив только стакан кефира, пошла наверх.

И тут позвонила Алена. Новости выливались из нее буквально потоком.

– Нашла страшно милого мужика, – щебетала она, очевидно, одновременно жуя орехи, потому что в мембране слышалось почавкивание и похрустывание.

Кандидат и впрямь казался замечательным. Около сорока лет, доктор наук, безумно талантлив, никогда не имел жены и к тому же еще и круглый сирота. По мне, так такое случается только в сказках, поэтому тут же спросила:

– Как познакомим?

– Все чудесно складывается, – заверещала Алена, – пригласишь его к себе пожить месячишко. В твоём замке места на всех хватит!

– С какой стати он вдруг ко мне поедет?

– Говорю же, – радостно тарыхтела подруга, – все просто чудненько. У него сгорела квартира, сейчас там ремонт, находиться в помещении невозможно, вот Миша и попросил подыскать ему пристанище на время, чтобы недорого...

– Он что, снять не может? Пусть газету купит!

– Слушай, – возмутилась Аленка, – ты хоть знаешь, сколько получает сотрудник в Курчатнике?!

– Нет!

– И не надо, все равно не согласишься. Потом, никто из хозяев не хочет сдавать квартиру на небольшой срок – невыгодно, в гостинице дорого... Так что давай я скажу ему, что ты хочешь помочь. Лучше повода для знакомства не придумаешь. Станут каждый день видаться, а там уж ты постарайся...

– А квартира почему сгорела? – подозрительно осведомилась я. – Он не алкоголик?

– Вообще не пьет, – заявила «сваха», – там какой-то случай вышел. Ну что, посылаю его к тебе?

– Давай, – со вздохом решила я.

Похоже, Аленка права, и лучшего способа познакомить этого Мишу с Галей нет. Придется потерпеть в доме постороннего мужика. Надеюсь, он регулярно моется и любит животных.

Глава третья

Утром разбудил трубный вопль близнецов. Анька ухитрилась удрать от Серафимы Ивановны, доковыляла до лестницы и кубарем полетела вниз. К счастью, у подножия преспокойненько поджидал завтрак Банди. Пит явно не ждал ничего плохого и мирно дремал, вдыхая аромат жарящихся оладушек. Пятидесятикилограммовый Банди нежно их любит. Анька плюхнулась на него и заорала не от боли, а от ужаса. Бандюша тоже завопил и, как водится, моментально описался.

Няня, ворча, выудила Аньку из лужи и потащила в детскую, где заливался криком покинутый Ванька. Через секунду истошные вопли умолкли, очевидно, Серафима Ивановна дала близнецам печенье.

Воцарилась тишина. Но поспать все равно не удалось. Сначала послышались шлепающие звуки и скрип входной двери. Это Ирка убирала лужу, походя поддавая Банди за хулиганство. Следом разнесся Машин крик:

– Мой кофе! Опаздываю, проспала...

Дочь с топотом поскакала по лестнице, и моментально раздался визг. Манюня вообще редко смотрит под ноги, поэтому наши животные, завидя ее, как правило, поджимают хвосты, но бедняга Хучик сегодня замешкался, и Маняшина ножка тридцать девятого размера отдала ему лапу.

Немедленно закричала Ирка:

– Нет, это что же такое делается! А ну пошли в сад писать, надоели!

Собаки погалопировали на улицу. Маня бушевала в холле, разыскивая сумку, куртку, ботинки, кошелек...

– Вчера положила все в шкаф! – шумела девочка. – Ну какой идиот переложил!

– Где ключи от машины? – вплелся в ее вопль голос Аркадия. – Сколько раз говорил, чтобы ничего не трогали. И кто сунул мои перчатки в ботинки! Ольга, где телефонная книжка и зажигалка?

– Здесь, – сообщила Зайка со второго этажа, – лежат на подоконнике.

– Неси скорей.

– Не могу, – ответила Ольга, – глаза крашу.

– Черт-те что, – возмутился Кеша, – Маня, сбегай...

– Некогда, опаздываю, – проорала Маня, натягивая куртку, – слышишь, уже школьный автобус гудит.

Со двора и впрямь раздавались противные звуки, шофер созывал припозднившихся.

– Ну погоди, – пообещал Кеша, – попросишь меня о чем-нибудь, ни за что не сделаю!

– Сам дурак! – выкрикнула ласковая сестра и хлопнула дверью.

Сын полетел в спальню, и опять раздался жалостный визг, потом оглушительный грохот, звон... Послышался высокий голос Ольги... Пару минут супруги отчаянно ругались, и воцарилась тишина.

Я натянула халат и спустилась в холл. Собак не видно, очевидно, убрались от греха подальше и бегают по саду. Большой стеклянный столик, на который обычно кидают газеты, ключи и перчатки, перевернут. Пол усыпан осколками. На вешалке мирно висит черная сумка Аркадия. Представляю, как он примется ругаться, обнаружив, что забыл ее дома.

В столовой на огромном столе среди чашек и тарелок мирно спала кошка Клеопатра. Я согнала наглую киску и налила себе совершенно остывший кофе. Прямо перед глазами оказалась коробка с мюсли. Ее украшала идилическая картинка: папа, мама, двое детей и бабушка, ласково улыбаясь друг другу, едят из мисочек смесь, которую Кеша называет сухим кормом для взрослых. Радостные, светящиеся лица... «Наши мюсли принесут вам хорошее настрое-

ние» – гласила надпись. Я вздохнула. Ну бывают же такие семьи, где дети послушны, а старики не капризны... Хорошо хоть у нас нет бабушек!

Базиля Корзинкина можно отыскать двумя путями. Побывать в семье покойного Никитина и порасспрашивать сотрудников гостиницы. Выбрав первое, я набрала телефон издательства «Свеча». Трубку сняла женщина.

– Издательство «Ворт» беспокоит, – объявила я.

– Слушаю, – не удивилась собеседница.

– Хотим прислать цветы и выразить соболезнование семье Алексея Ивановича, но не знаем адрес.

– Пишите, – коротко сообщила сотрудница, – Налимовское шоссе, дом 6.

Вот так, просто и быстро.

«Кто бы мог предположить, что издание книг – такое выгодное дело», – подумала я, разглядывая дом Никитина.

Впрочем, домом такой особняк не назовешь, он скорее тянул на замок. Три этажа из красного кирпича гордо возвышались у самой Кольцевой дороги. Сбоку пристройку украшала башенка с остроконечной крышей и узкими окошками-бойницами. «Стиль бешеной мавританки» – называл мой первый муж-художник подобную красоту. Представляю, сколько стоит его содержание. В воротах, естественно, торчала телекамера. Я нажала на звонок. Объектив повернулся в мою сторону, и тоненький детский голосок спросил:

– Кто там?

– Хочу поговорить с женой Алексея Ивановича, я из Парижа, близкая подруга Корзинкиных.

Ворота распахнулись, я въехала в безукоризненно ухоженный сад. Даже сейчас, поздней осенью, на дорожках не лежало ни одного листочка. Клумбы закрыты какой-то пленкой, кусты укутаны в черные мешки. Да, похоже, наш садовник зря получает деньги, к тому же он все время уверяет, что палую листву невозможно убрать до конца.

На пороге стояла тоненькая девочка, не ребенок, а шнурок какой-то. Но, взглядевшись, заметила скромный макияж, довольно крупные серьги и поняла, что ей никак не меньше двадцати. Никогда не встречала девушки с такой ангельской внешностью.

Огромные голубые глаза приветливо обозревали мое лицо. Чистый, прозрачный взгляд. У человека с такими глазами нет никаких постыдных тайн. Белокурые волосы ниспадали на плечи аккуратными волнами. Если такая прическа – всего лишь результат ловких рук парикмахера, она все равно вызывает зависть. Мои волосы, как ни старайся, так не лягут. Рот девушки красиво изгибался. «Лук Амура» – так называли подобную форму в девятнадцатом веке. И вся она такая маленькая, хрупкая, беззащитная...

– Я дочь Алексея Ивановича, – нежным детским голоском пропела девушка, – только сам он здесь давно не живет.

Мы вошли в просторную гостиную, обставленную в суперсовременном стиле. Снежно-белые стены, черная мебель, ковер цвета угля и пара довольно неплохих картин неизвестных мне современных художников. Я бы не хотела жить в такой комнате, но девушка чувствовала себя тут абсолютно комфортно.

– Господин Никитин, – вздохнула дочь погибшего, – ушел от нас с мамой к другой женщине.

– Но справочная дает ваш адрес...

Девушка улыбнулась.

– Он не оформлял развод, и охотно верю, что по документам числится здесь.

– То есть не встречаетесь с ним и не в курсе его дел?

– Абсолютно, – заверила девушка.

– А мама?

– Она сейчас в Карловых Варах, но, насколько знаю, никаких отношений родители не поддерживают, а что случилось?

Вкратце изложив мою проблему, я поинтересовалась:

– Где же он живет?

– Жил, – совершенно спокойно поправила дочь, – Алексей Иванович умер.

Я постаралась изобразить крайнее удивление.

– Может, сходить туда, где...

– Находится любовница? – без тени смущения спросила девушка. – Конечно, вдруг Лола знает что-нибудь. Я же, увы, ничем не могу помочь.

Она вежливо проводила меня до машины. Ворота лязгнули. Такая приятная, хорошо воспитанная девушка, а мы даже не представились друг другу. Она не спросила мое имя, а я – ее. Надо же, живет, похоже, одна, в гигантском здании, просто как принцесса из сказки.

В окне башни показалась чья-то рука и замахала платком, так в средние века дамы провожали своих рыцарей. Я уселась в «Вольво». Нет, Кеша прав, у меня буйная фантазия. С чего взяла, что девчонка одинока? Скорей всего там полно народу – прислуга, родственники, друзья...

Я въехала в Москву и, устроившись в «Авто-Макдоналдс», принялась разглядывать полученную бумажку с адресом. «Лола, улица Габричевского, 18» – было написано на листке. У милой девушки оказался совершенно мужской почерк: четкий, твердый, без завитушек и крендельков. Лола! Интересно, как зовут даму на самом деле? Знала я Зюку, чье имя в паспорте значилось – Татьяна, и Коку, которую родители называли Светланой.

Но когда на пороге квартиры возникла хозяйка, стало понятно, что кличка Лола подходит ей чрезвычайно. В проеме двери стояла высокая статная брюнетка со смуглым лицом и кровавой помадой на губах. В огромных карих глазах не плескалось ни единой мысли. Так глядит на траву тучная корова.

– Чего надо? – неожиданно тонким, даже визгливым голосом спросила красавица.

Такому экземпляру по душе придется француженка, прибывшая из самого Парижа. Изобразив на лице сладкую улыбку, я мило прощепетала:

– Ищу Базиля Корзинкина.

– Кого? – протянула женщина, лениво взбивая пухлой рукой смоляные кудри. – Ошибочка вышла, здесь живу я.

– Конечно, конечно, – зачастила я, – Алексей Иванович Никитин работал с Базилем, а Корзинкин пропал.

– Ясно, – абсолютно отстраненно констатировала Лола, – только Алексей умер, а я никакого, как его там, Базиля не знаю.

И она просто захлопнула перед моим носом створку входной двери. Я секунду постояла в обалдении, разглядывая железную дверь, затянутую красивой красной кожей. Полный нокаут!

Ладно, поеду в издательство «Свеча», скорей всего там знают о партнере по бизнесу.

В моем понимании издательство – большой дом, набитый компьютерами, телефонами, факсами и рукописями. Во всяком случае, когда в Париже случалось сопровождать Наташку в «Пеликан», антураж был именно такой.

«Свеча» располагалась на втором этаже низкого дома в проезде Прямикова. Только не подумайте, что данная организация занимала огромное помещение. Всего лишь две крохотные комнатухи, что называется, кошке негде хвост протянуть. В одной восседала милая женщина с простым, улыбчивым лицом.

– Надо же, какое горе, – отреагировала служащая на мой вопрос.

И это было первое проявление человеческих чувств по отношению к погибшему Алексею Ивановичу. Что дочь, что любовница выказали редкостное равнодушие. Впрочем, как говорят, каков поп, таков и приход.

Милая редакторша принялась помогать.

– Говорите француз, Базиль Корзинкин?

Я кивнула. Тут дверь в комнату отворилась, и влетело невероятное существо. Высокая девица, такая вертлявая и быстрая, что мне показалось, будто вошли две дамы, а не одна.

– Надежда Николаевна, – запричитала вошедшая, бряцая бесконечными бусами, цепочками и браслетами, – ну где же мои десять авторских экземпляров?

Редакторша без всякой радости уставилась на женщину, тяжело вздохнула и сказала:

– Жанночка, книжечки придут не раньше декабря.

– Ах, какая жалость, – взвизгнула Жанна, потряхивая бесконечными бисерными фенечками и кожаными шнурками, украшающими ее запястья, – ну надо же, сколько ждать. Ладно, тогда позвоню от вас, можно?

– Звоните, – радушно разрешила Надежда Николаевна, и Жанна принялась накручивать диск допотопного аппарата.

– Знаете, – обратилась ко мне редакторша, – честно говоря, у нас не очень бойко шли дела. Но Алексей Иванович постоянно добывал где-то спонсоров. Сколько я его ни уговаривала немного, так сказать, расширить круг авторов, но он ни в какую.

Приятная сотрудница могла бы так долго и не объяснять. Материальное положение редакции выдавало все: телефон времен Очакова и покоренья Крыма, никакого компьютера, обшарпанный письменный стол, несколько весьма ободранных стульев... Да и сама Надежда Николаевна не тянула на высокооплачиваемого редактора – дешевенький трикотажный костюмчик и беленькая блузочка с рюшечками, явно производства трудолюбивых китайцев.

– И у нас не было никаких контактов с иностранцами, – продолжала женщина, – даже не слышала такого имени. Согласитесь, оно немного нелепо звучит – Базиль Корзинкин!

Вот тут она права, подобное сочетание легко запоминается.

Сообразив, что больше ничего не узнаю, я выбралась на улицу и вытащила из сумочки пачку «Голуаз». За спиной послышалось позвякивание.

– По-моему, могу помочь.

Я обернулась и увидела Жанну. Девушка радостно улыбнулась.

– Вы знаете Корзинкина? – удивилась я.

– Не совсем, – захихикала девушка, – просто, ну как бы это вам лучше объяснить... Может, зайдём в кафе?

Мы вошли в небольшое темноватое помещение. Жанна весьма уверенно заказала кофе и пирожные.

– Еда тут дрянь, – пояснила девушка, – а кофе варят отличный.

Что правда, то правда. Крепкий, в меру сладкий, с красивой пенкой, напиток радовал глаз и ублажал вкус.

– Я же вам сказала, – удовлетворенно отметила девушка и в два глотка опустошила крохотную чашечку.

– Где вы видели Корзинкина? – решила я направить поток ее активности в нужное русло.

– Не поверите, – хихикнула Жанна, – у Мики.

Ну вот, еще одна собачья кличка вместо имени.

– Почему не поверю? – сурово спросила я.

Жанна заказала еще кофе и принялась рассказывать, бесконечно посмеиваясь.

Мика – ее давняя, еще школьная подруга. По образованию она учительница младших классов. Но, поработав пару месяцев в школе, Мика поняла, что это тяжелый и неблагодарный труд. Дети ленятся, капризничают и не желают слушаться, родители бесконечно качают права и требуют, чтобы учительница чуть ли не на голову вставала, чтобы их драгоценные чадушки

научились правильно писать «жи» и «ши». К тому же зарплата – чистые слезы, один раз в магазин сходить.

Мика плюнула на благородную профессию преподавательницы и подалась в бизнес. Но на этой стезе ее ждали неудачи. Сначала поехала челноком в Китай и прогорела моментально. Денег еле-еле хватило на то, чтобы покрыть расходы. Тогда Мика решила попробовать себя в гувернантках и нанялась в очень богатую семью пасти девочку семи лет. Через месяц, едва дождавшись первой зарплаты, бедная учительница убежала из роскошного дома, проклиная все на свете.

Чем она только потом не занималась: торговала газетами, пыталась репетировать, продавала «Гербалайф» и косметику фирмы «Орифлейм»... Но нигде не получала ни хороших денег, ни морального удовлетворения.

Однажды вечером, от души поплавав, Мика взяла «Из рук в руки» и принялась читать брачные объявления. Там попадались безумно смешные вещи, и девушка развеселилась. «Молодой, полный сил мужчина, семьдесят пять лет...» или «Я строен, я красив, я умен. Ищу жену, которая хорошо зарабатывает. Готов сидеть дома с ребенком». Глаза бежали по строчкам, внимание Мики привлекли два сообщения – «тридцать лет, без материальных проблем, выезжаю на ПМЖ в Америку, ищу спутницу жизни, готовую сменить страну проживания». «Двадцать восемь лет, обеспечена, ищу мужа, отъезжающего на ПМЖ в Америку».

«Надо же, – подумала Мика, – словно созданы друг для друга».

В голове смутно зашевелились мысли. Короче, она позвонила мужику, назвалась руководителем брачного агентства и сообщила, что есть невеста. Потом поговорила с женщиной.

На следующий день пара встретилась у Мики дома. К общей радости, они понравились друг другу, потом расписались и благополучно отбыли в вожаденный Нью-Йорк. В руках у Мики остался вполне приличный гонорар. Девушка, вооружившись ножницами, принялась кромсать газеты. В общем, сейчас у нее большое агентство, штат сотрудников и твердый доход.

Жанна дружит с Микой давно. Но ей пока не повезло так, как подруге. Жанночка поэтесса и только-только выпустила первую книжку. Денег, конечно, нет, и более удачливая Мика частенько помогает девушке. То откинет ей брюки, то покормит обедом...

Несколько дней назад Жанна пришла к Мике и обнаружила в кабинете посетителя – Базиля Корзинкина. Мужчина разглядывал альбомы с фотографиями и искал жену.

– Ну этого просто не может быть, – вырвалось у меня.

– Очень даже может, – утверждала Жанна, – имя-то с фамилией какие дурацкие! Сразу запомнила – Базиль Корзинкин, нарочно не придумать. Не верите, сами у Мики спросите!

– Дайте адрес, – потребовала я, расплачиваясь за кофе. И тут зазвонил телефон.

– Муся, – зашептала Маня в трубку, – приезжай скорей, тут такое...

Трубка перешла в руки Аркадия, и сын грозно заявил:

– Мать, давай домой, гости ждут.

Со вздохом засунув мобильник в карман, развернула «Вольво» и понеслась в родные пенаты.

Глава четвертая

В гостиной чинно сидел мужчина лет сорока. На нем была весьма обтрепанная рубашечка в красно-бело-черную клетку. Руки высовывались из рукавов чуть ли не до локтя. Эта ковбоекка вылезала из стареньких джинсов. На ногах гостя почему-то красовались разные туфли. На правой – коричневая, на левой – черная.

Но, несмотря на дурацкую одежду, выглядит мило. Уж очень доброе, располагающее лицо с умными голубыми глазами. На удивительно аккуратном носу сидели самые простые очки в роговой оправе. Сейчас давно никто не носит такие. Черные выющиеся волосы взлохмачены и стоят дыбом.

– Очень благодарен, – вскричал мужчина, увидев меня, и вскочил с места. Мирно дремавший на его коленях Хучик незамедлительно шлепнулся об пол, словно спелая груша. Бедный мопс завизжал, и мужчина, быстро нагнувшись, поднял песика с пола.

– Совсем забыл, что он тут спит, – виновато сообщил гость, – меня зовут Михаил, фамилия Золотарев, а вы, очевидно, Даша? Алена вас очень подробно описала.

Я велела подать чаю и приступила к допросу.

– Какой ужас рассказывала Алена. Это правда, что у вас квартира сгорела?

– Абсолютная, – кивнул головой Миша, – по счастью, не вся. Больше всего пострадали кухня и большая комната. Кабинет почти не тронут.

– Как же это вышло?

Оказывается, ребенок соседей Золотарева, восьмилетний хулиганистый Димка, оставшись один, решил развлечься, пуская с балкона горящие самолетики. Один из дымящихся «лайнеров» попал на лоджию Михаила. Мигом вспыхнул соломенный столик и два стула, потом огонь перебрался на парусиновые жалюзи и через открытую балконную дверь проник в кухню. Все это произошло в считанные минуты. Хорошо хоть Димка не растерялся и вызвал пожарных, иначе итог мог оказаться совсем плачевным. А так пострадала только квартира математика. Родители пакостника попросили Михаила не поднимать шум и быстро начали ремонт.

– Очень, очень благодарен за приют, – сказал профессор, – постараюсь оказаться полезным в хозяйстве, если, к примеру, кофемолка сломалась или телевизор, могу починить.

– А разницу между прямой и ломаной линией знаете? – неожиданно вмешалась молчавшая до сих пор Маня.

– Конечно, – ответил мужчина.

– Ну тогда объясните задачку по геометрии! – велела дочь.

Не успела я выговорить ей за бесцеремонность, как Миша отреагировал:

– Пошли в твою комнату, растолкую все с самого начала.

Они двинулись к выходу, и тут математик увидел лежавшую на столике книгу «История России для детей». В секунду он уцепил том и принялся самозабвенно листать страницы. Маруся успела уже выскочить в коридор. Через пару минут ее голова всунулась в комнату.

– Ну где же вы?

– Ой, прости, пожалуйста, – всполошился Миша, – зачитался случайно...

Он захлопнул книгу и поспешил за Манюней. Я не выдержала:

– Простите, профессор, вы в курсе, что ходите в разных туфлях?

Математик притормозил и уставился на ноги.

– Интересно, интересно, – забормотал он, – как же такое вышло? Вроде с утра нормально было, в институте никто не сказал. Мне, видите ли, обычно говорят, когда что-то не так...

Маруся опять заглянула в гостиную и нетерпеливо выкрикнула:

– Ну сколько же времени можно идти?

– Прости, детка, задумался, – беззлобно ответил Миша и исчез за дверью.

Я молча посмотрела вслед гостю. И кого это нам подсунула Алена? По-моему, его одного страшно выпускать из дома.

К Мике попала только на следующий день к обеду. Брачное агентство занимало большое помещение на первом этаже красивого кирпичного дома. Очевидно, дела шли блестяще. Здесь явно только что сделали ремонт, и стены выглядели просто изумительно. Пол застелен коврами... Комната начальницы напоминала приемную дантиста. Из роскошного кожаного кресла на меня глядела черноволосая женщина.

– Меня прислала Жанна, – пролепетала я, изображая клиентку, – сказала, Мика поможет...

Дама улыбнулась. Она выглядела молодо. Большие карие глаза и прическа под пажа, но что-то в ее облике выдавало человека жесткого, даже жестокого. Может быть, узкие губы и торчащий вперед подбородок.

– Ох уж эта Жанна, – вздохнула Мика, – абсолютно неземное существо. Меня зовут Марина Анатольевна, а вы, очевидно, хотите найти спутника жизни.

– Да, – радостно подтвердила я, – очень.

– Давайте паспорт.

– Зачем?

Марина Анатольевна улыбнулась и принялась втолковывать глупой посетительнице:

– В агентстве ставят на учет только тех, кто не состоит в браке.

– А, понятно, – протянула я и подала синюю книжечку.

Марина удивленно вздернула брови.

– Вы иностранка?

– Мне нельзя воспользоваться вашими услугами?

– Почему же! Просто сюда практически не обращаются женщины из-за границы.

– А мужчины?

– Случается. Только тут следует держать ухо востро. Некоторые хотят получить не столько жену, сколько бесплатную домработницу. Думают, наши женщины слаще морковки ничего не видели и запрыгают от радости при виде любого иностранца. Вот недавно приходил ваш соотечественник, француз. Решил в Москве жениться. По-русски говорит изумительно, ну ни за что не подумаешь, что парижанин. Так он такие требования выдвигал! Просто процессу ему подавай. Чтобы красавица, умница, обеспеченная и девяносто-шестьдесят-девятьсто. Представляете?

– Ну и нашел таких?

– Троих. Теперь вот жду, с кем из них договорится.

– Его случайно не Базиль Корзинкин зовут?

– Точно, – удивилась сваха, – откуда знаете?

– Знакома с ним. Он еще в Париже говорил о желании найти жену в России.

– Будем надеяться, что сумели подобрать ему пару, – улыбнулась Марина.

– А как я увижу предполагаемых женихов?

– Очень просто, – успокоила сваха, – сначала заплатите кое-какую сумму за услуги, потом полистаете альбомчики, почитаете объявления. Кстати, хочу предупредить, агентство не несет ответственности за моральные устои желающих вступить в брак.

– Как это? – не поняла я.

– Могу проверить наличие семьи у претендентов только по предъявленному паспорту, – продолжала зауценно улыбаться Мика, – и, как правило, в агентство приходят люди, на самом деле ищущие пару. Но случаются мошенники, обманщики да просто сексуально озабоченные... Мы не проводим никаких расследований, просто заносим кандидатов в картотеку. Поэтому всегда предупреждаю и мужчин, и женщин – будьте осторожны. Не зовите в первый

же день в гости. Погуляйте, пообщайтесь, загляните в ресторан, в театр, наконец. А то только увидят мужика и тут же к себе зазывают. Стол, бутылка, а потом ко мне бегут с воплем – изнасиловали!

– Женщин больше приходит?

– Да, но в конце концов как-то все пристраиваются, пусть не сразу... Начнем оформлять договор?

Я спешно вытащила кошелек и отдала тысячу рублей.

– Брюнет, блондин? – спросила хозяйка, подходя к огромному шкафу. – Возраст какой желаете?

Ну прямо как в магазине. Проглотив фразу «лишь бы человек был хороший», я произнесла:

– Шатен, примерно сорок – сорок пять.

– Отлично, – отчего-то обрадовалась Мика и шлепнула на столик довольно пухлый альбом.

Руки начали медленно перелистывать пластиковые страницы. Оформлены они были однотипно и слегка напоминали карточки тюремного фотографа. Один снимок анфас, другой – профиль. Не хватало только красных полос и надписей «Склонен к побегу» или «Склонен к нападению на конвой». Внизу под фото стояло несколько строк, рассказывающих о привычках и хобби. Старательно проглядев все кандидатуры, я спросила:

– А где Базиль Корзинкин?

– Не захотел давать фото. Знаете, некоторые отказываются. Считают, что плохо получаются. Такие у нас в другом месте.

– Покажите Корзинкина.

Мика не усмотрела в просьбе ничего особенного и вытащила амбарную книгу.

– Вот, – ткнула сваха пальцем с безукоризненно сделанным маникюром в объявление.

«Молодой француз, управляющий крупным банком, без материальных и жилищных проблем, высокий шатен с карими глазами, не курит и не пьет, ищет спутницу жизни. Предпочтение дамам от сорока до пятидесяти, обеспеченным, без детей и родственников».

Я медленно переваривала информацию. Во-первых, Базиль никогда не работал в банке. По-моему, он вообще не умеет считать. Проблем у него и впрямь особых нет. Потом, насколько помню, Корзинкин курит и любит хорошо выпить. Правда, внешнее описание подходит: издатель темноволос и обладает глазами спаниеля. Но самое главное! Базиль давно и прочно женат на Сюзетте. Как-то раз мы разговорились о прелестях семейной жизни, и Корзинкин со смехом заявил, что на протяжении двадцати лет брака многократно хотел убить Сюзи, но развестись – никогда.

Из задумчивости меня вывел голос Мики:

– Ну, кто-нибудь глянулся?

– Корзинкин! Как с ним связаться? Дайте адрес!

Марина Анатольевна покачала головой:

– Адреса не даем, только телефоны. Но господин Корзинкин сообщил, что живет у друзей и ему неудобно беспокоить посторонних людей, взял три варианта и сказал, что, если никого не выберет, придет еще раз.

– Можно посмотреть, кто ему понравился?

– Зачем? – насторожилась сваха.

Я принялась объяснять:

– Базиль давно мне по душе, но считала его закоренелым холостяком. Просто интересно, какой тип женщин привлекает Корзинкина, если полногрудые брюнетки, то у меня нет шансов.

– Да уж, – вздохнула Мика, бросая взгляд на мою плоскую фигуру, – обычно такого не делаем, но из вас и впрямь могла бы получиться хорошая пара. Ладно.

Она вытянула из шкафа тоненькую папочку и подала три листа. На каждом снимок, имя и телефон. Мозги закипели, пытаюсь запомнить одновременно столько цифр. По счастью, в комнату заглянул какой-то мужчина, и Мика, извинившись, вышла.

Я схватила с ее стола листок и быстренько записала всю информацию. Катя, Анна, Зоя.

Когда вернулась Мика, я предложила:

– Давайте сделаем так, оставлю свой телефон в Москве, если Базиль объявится, сообщите ему, что Дарья Васильева ждет звонка.

Выйдя из агентства, я закурила и стала наблюдать, как первые редкие снежинки падают на ветровое стекло. Какая ранняя зима в этом году, ноябрь, а холодно, как в феврале. С чего это Базиль поехал в такое время года в Москву? Французы побаиваются нашей зимы и предпочитают посещать Россию летом, в крайнем случае ранней осенью.

Первой позвонила Кате. Приятный голос, грудное сопрано, пропел в трубку:

– Слушаю.

– Можно Катю?

– Я слушаю.

– Вас беспокоят из брачного агентства, от Марины Анатольевны, скажите, вы с Корзинкиным встречались?

– Да, – односложно сообщила невеста.

– Простите, если он у вас, передайте ему трубочку.

– Данного господина тут нет, а я подам на вас в суд, – грозно выкрикнула Катя.

Еле-еле я упростила ее дать адрес «юристу» агентства. Жила сердитая тетка бог знает где. Улица, правда, носила бодрое название – Праздничная. Но никаких признаков веселья тут не наблюдалось. Запарковавшись между огромным мусорным бачком без крышки и пивным ларьком, я вошла в подъезд. Ни кодового замка, ни домофона, двери квартир маленькие, небось потолки тут полтора метра высотой.

Катя провела меня в комнату. Небольшое помещение обставлено более чем скромно. Югославская стенка, кресло и диван. На стене и на полу – два совершенно одинаковых темно-бордовых ковра, возле балконной двери примостился небольшой телевизор «Самсунг». Парчовые шторы блестели как ризы. Я вспомнила восьмикомнатные апартаменты приятеля на авеню Фош, отделанные одним из лучших парижских дизайнеров, и вздохнула. Если Базиль и впрямь был тут, представляю, какое впечатление произвел на него данный пейзаж. К тому же мужик патологически аккуратен, а в комнате не то чтобы грязно, но и не слишком чисто, небось убирают только по субботам. Да и сама хозяйка выглядит не лучшим образом. С первого взгляда дала бы ей лет пятьдесят пять. Волосы вытравлены до мертвенно-белого цвета, небольшие, глубоко посаженные глазки неопределенного болотного оттенка украшают набрякшие мешочки. То ли выпить любит, то ли почки больные, а может, сердце пошаливает... Рыхлая фигура закутана в какое-то немыслимое пончо, на ногах довольно засаленные тапки. Афродита, да и только. На фотографии в агентстве выглядела по-иному – молодая, русоволосая, с уверенным взглядом. Наверное, принесла снимок десятилетней давности.

Катя тем временем принялась возмущаться:

– Завтра же пойду в суд и налоговую полицию приглашу, пусть вас, жуликов, потрясут. Кого же вы людям подсовываете, сволочи! Деньги берете громадные, а потом воров наводите...

Кое-как утешив «невесту», попросила рассказать о случившемся.

Корзинкин позвонил ровно неделю назад и по разговору понравился Катерине чрезвычайно. Мягкий, интеллигентный голос, речь образованного человека. При встрече тоже не разочаровал. Пришел в хорошем костюме, в руках держал розу. Они немного погуляли, но быстро замерзли. И тогда Катя предложила поехать к ней. Кавалер выглядел таким положительным, тем более что он отказался покупать водку.

– Не пью совершенно, – улыбаясь, говорил Базиль, – кстати, и не курю тоже.

Придя в восторг от такого редкого по нашим временам правильного поведения, Катерина совершенно спокойно привела жениха к себе. Сначала мирно пили чай с купленным по дороге тортом, затем побеседовали чуть-чуть, наконец Базиль сообщил:

– Милая Катя, вы очень приятная женщина, и, пока между нами нет никаких взаимоотношений, хочу внести ясность.

Он говорил довольно долго, но суть сводилась к простой вещи. Корзинкин ищет состоятельную женщину, так как нищенка не умеет распоряжаться деньгами.

– Два моих приятеля, – откровенничал Базиль, – женились на не слишком обеспеченных русских женщинах. И что? В первый же год жены растратили почти все состояние. Деньги просто ударили им в голову. Поэтому простите, Катенька.

Женщина заволновалась. Выгодная партия уплывала из рук. Глупышка принялась уверять жениха, что вовсе не так бедна, как кажется, и счет деньгам знает. Во-первых, имеет дачу, и не какие-нибудь шесть соток, а все десять, да и дом приличный. Двухэтажный, низ из кирпича... Потом кое-какие украшения. Катя продемонстрировала кавалеру весь «золотой запас» и двенадцать штук серебряных ложек. Самый главный аргумент лежал в обувной коробке – три тысячи долларов.

Базиль внимательно оглядел приданое и сказал:

– Ну, это меняет дело.

И чаепитие продолжалось. Что было потом, Катя не помнит. То ли заснула, то ли потеряла сознание... Пришла в себя глубокой ночью с безумной головной болью. Кавалера и след простыл, а вместе с ним убежала шкатулка с колечками, серебряные ложки и накопленные баксы. И вот теперь обезумевшая от горя Катя грозит агентству судом.

– Идите в милицию, – посоветовала я.

– И что? – возмутилась несостоявшаяся француженка. – Я же его сама привела и чуть ли не своими руками все отдала. Нет, милиция не поможет. Это вы должны внимательно проверять клиентов.

– Вас предупреждали, что не стоит вести незнакомого человека в первый день домой?

– Но он казался таким положительным, – зарыдала Катя.

Я быстро распрощалась. Сев в машину, обдумала информацию. Вот ведь дура. Но что происходит с Базилем? Может, просто сошел с ума и бродит по Москве в невменяемом состоянии, не контролируя свои действия. Заявиться к этой жуткой тетке и украсть серебряные ложки? Нонсенс. Во Франции у Корзинкиных изумительное столовое серебро и несколько отличных сервизов на все случаи жизни...

Ладно, ясно пока только одно: Базиля нужно отыскать как можно быстрее. Он должен вернуть Кате украденное, а уж потом разберемся, к какому врачу тащить мужика – к психотерапевту или к психиатру.

У второй «невесты» трубку долго не снимали. Я уже собралась отключиться, как раздался слегка запыхавшийся голос:

– Слушаю.

Я опять завела песню про «юриста» из агентства.

– Совершенно не понимаю, о чем мы можем беседовать, но, если надо, приезжайте, только до шести, успеете? – сказала Анна.

Глянув на часы, я отметила, что стрелки подбираются к половине пятого. Волоколамское шоссе находится на другом конце, но можно постараться. «Вольво» плавно поплыл в потоке машин. Радио бормотало какую-то чепуху, выпуск новостей прервался рекламой. Безнадежно отстояв во всех возможных пробках, я наконец выехала к метро «Сокол» и, попав на Волоколамку, принялась разыскивать восьмой дом.

Здание выглядело внушительно. Огромное, построено из светлого кирпича. На дверях подъезда домофон. И квартира не чета Катиной – высоченные потолки, широкие коридоры,

огромные комнаты. Меня провели в гостиную. Хозяйка картинно погрузилась в глубокое вольтеровское кресло и произнесла:

– Чем могу служить?

Старомодность оборота речи как нельзя лучше соответствовала ее внешнему облику. Казалось, Анна выпала из шестидесятых годов девятнадцатого века. Блузка с высоким воротником, закрывающим шею, тонкая талия и длинная, почти до пола, тяжелая шерстяная юбка. На голове «учительский» пучок, в ушах крохотные жемчужинки. Просто, элегантно, интеллигентно...

– Хотим узнать, как прошла ваша встреча с Корзинкиным.

Анна, не удивившись моему приходу, стала рассказывать. Выяснилось, что Базиль тоже сначала произвел на нее самое благоприятное впечатление. Речь выдавала в нем человека образованного, пару раз он вставлял в разговор цитаты из Шекспира. Безупречная одежда, дорогой одеколон. На свидание пришел с розой.

Они прошлись по набережной, в сторону гостиницы «Украина», но стояла промозглая погода, от реки дул пронизывающий ледяной ветер, и Аня окончательно замерзла. Тогда кавалер предложил зайти в ресторан, где женщина разочаровалась в избраннике.

– Он какой-то сальный, – поехала Анна, – сначала долго хвастался домом и бизнесом, потом начал интересоваться моим материальным положением.

Анечка честно рассказала правду. Живет вместе с родителями безвременно умершего мужа, имеет одного сына. Старики души не чают в невестке, хотят, чтобы она вновь вышла замуж и нашла женское счастье. С деньгами у нее как у всех, и жениху ничего, кроме хорошего воспитания и первоклассного образования, предъявить не может.

– Он так настойчиво выпрашивал, есть ли кто-нибудь у нас дома, – передернула плечами женщина, – потом стал напрашиваться в гости, говорил, что влюбился с первого взгляда, предлагал златые горы...

Но разумной Ане показалось странным такое поведение, и, вспомнив предостережение Мики, женщина решительно сказала:

– Ко мне как-нибудь в другой раз!

Кавалер продолжал настаивать, но Аня была тверда. Нет, и точка. Жених переменял тему, начал рассказывать об Италии. Потом велел подать просто грандиозный ужин, заказав все самое дорогое – икру, осетрину на вертеле, салаты, мороженое, фрукты и бутылку коньяка. Разговор крутился вокруг кулинарии. Базиль очень потешно рассказывал, как, будучи в Китае, получил на ужин какие-то белые шнурки. Сначала решил, что это макароны, а потом выяснилось – особые червяки. Просто не знал, куда деваться – кругом были китайцы, поедавшие блюдо с невероятным аппетитом. Аня улыбнулась и подумала, что, может быть, Корзинкин не такой уж и противный, а в гости рвался потому, что она ему понравилась...

Когда подали кофе, Базиль, извинившись, встал. Женщина прождала его больше полчаса. Потом, испугавшись, что претенденту на ее руку стало плохо, побежала к мужскому туалету. Но, судя по всему, там ее кавалера не было. Гардеробщик сказал, что высокий темноволосый мужчина в светлом пальто давно вышел на улицу. Анечка, не веря собственным ушам, вернулась в зал. Но пришлось признать – «жених» просто ушел, оставив ее расплачиваться за шикарный ужин. По счету выходило около трех тысяч. Таких денег у бедолаги не было. Пришлось долго объясняться с обозленным метрдотелем и оставлять в залог браслет, серьги и паспорт. На следующее утро Аня одолжила у подружки нужную сумму. Старикам ничего не рассказала.

– Будут расстраиваться, плакать, – махнула женщина рукой, – сама виновата, нечего затевать свадьбы-женитьбы. Так мне и надо, хорошо еще, что не пригласила подлеца домой.

– Анечка, вы видели его паспорт?

– Он его сразу показал, – ответила женщина, – Базиль Корзинкин. Нет, здесь все нормально, может, у французов так принято, что дама платит в ресторане?

Конечно же, нет. Парижане безумно жадные, но не до такой же степени, и, приглашая даму поужинать, галантно подписывают счет. Это не американцы с их ненормальным феминизмом. Нет, у Базиля определенно поехала крыша.

Глава пятая

К Зое я не попала. Спокойный голос на автоответчике сообщал об отсутствии хозяев. Делать нечего, отправилась в Ложкино. Время подбиралось к семи. С неба сыпалась ледяная крупа, порывистый ветер налетал на «Вольво» и, воя, уносился прочь. В такую погоду хорошая собака хозяина на улицу не выведет. Во всяком случае, наши псы все сидели в столовой. На буфете стояла тарелка с нарезанной ветчиной и хлеб, а в центре стола красовалось блюдо с картошкой и рыба под сырным соусом. Из людей же – один Миша.

Мужчина сидел, запустив левую руку в густую, всклокоченную шевелюру, правая бодро писала что-то на куске газеты.

– Добрый вечер, – сказала я, – как дела?

Золотарев поднял абсолютно безумные глаза и пробормотал:

– 2с в квадрате прибавить m...

– Миша, – попробовала я вернуть его на землю, – добрый вечер.

– Ох, простите, – отозвался математик и встал.

Раздался глухой стук. Это несчастный Хучик вновь обвалился с колен на пол.

– Господи, совсем забыл, что он спит у меня на руках! – вскрикнул Миша и поднял собачку. Мопс молчал. Очевидно, Хучик привык к неожиданным падениям и смирился со своей участью.

– Вы один? – спросила я, разглядывая остывший ужин.

Миша почесал в затылке.

– Вроде кто-то еще дома есть, какая-то женщина и Машенька с подружками.

– Почему не едите?

– Да вот, – принялся объяснять профессор, – мысль в голову пришла замечательная, а тут газета лежит... Решил записать, пока не забыл...

– Миша, – раздался из коридора бодрый Манин голос, – ты просто гений, даже Крыска все поняла.

Отметив, что Маня обращается к профессору по имени и на «ты», я решила подождать, какова будет его реакция. Она последовала незамедлительно.

– Говорил же, что все просто, как апельсины, главное – уловить суть! – радостно заявил математик.

От возбуждения он вновь вскочил, и Хучик хлопнулся об пол. Мопс абсолютно равнодушно остался лежать в неудобной позе: на спине, задрав кверху все четыре лапы. Он явно сообразил, что этот странный, непонятный гость будет регулярно сбрасывать его на паркет.

– Боже, – вновь испугался Миша, – вот несчастный...

Он быстро подхватил собачку. Крыска, Машкина подружка, носящая на самом деле имя Светлана, с чувством произнесла:

– Ну спасибо, первый раз в голове просветлело.

– Муся, – завопила Маня, потрясая тетрадь, – он гениально объясняет геометрию, просто потрясающе, я получила за классную работу пять! Мишенька, растолкуй завтра эту дурацкую теорему еще Вильданову и Кумушкиной, ну чего тебе стоит?

– Абсолютно ничего, – заверил профессор, – даже интересно. Кстати, можно попробовать еще и так. Глядите. – И он самозабвенно принялся черкать на газете. Я поглядела, как две детские головы уткнулись в чертеж, и вздохнула. Где же Галя Верещагина, ради которой все это затеяли?

Женщина была у себя в комнате. Просто преспокойненько сидела у телевизора и смотрела дурацкий сериал.

– Познакомилась с Михаилом?

Галя отрицательно помотала головой.

– Почему? – возмутилась я. – Ты что, так весь день и не спускалась вниз?

– Неудобно как-то, – пролепетала престарелая девица, – ну что человек подумает?

– Что в доме есть еще другие гости, – вышла я из себя, – и потом, как ты предполагаешь познакомиться?

– Ну, лучше как-нибудь в другой раз...

– Хватит, – оборвала я ее, – одевайся и иди ужинать. Не придешь – уезжай завтра домой.

Галя покорно раскрыла шкаф и вытащила черное платье. Тонкая ткань обтянула полную фигуру, и стали видны складки и валики на боках, спине и животе... Мне это не понравилось, и, преодолевая слабое сопротивление жертвы, я заковала ее в грацию. Теперь наряд сидел изумительно, и даже появилась талия.

– Дышать не могу, – прошептала бедолага.

Но я держалась непреклонно:

– Глупости.

– Желудок буквально к горлу подступил, куска не проглочу.

– Вот и чудесно, меньше съешь.

Почти что пинками выгнав «невесту» в столовую, я пошла следом. Главное теперь, чтобы Миша обратил на нее внимание. Может, посоветовать девушке уронить на него чашку с чаем?

На следующее утро встала пораньше и дозвонилась до Зои.

– Очень вам благодарна, – зачастила дама, – мы как раз с господином Корзинкиным завтракаем.

Почувствовав, как с души падает камень, я велела:

– Подождите моего приезда, надо подписать кое-какие бумаги.

– Мы никуда не собирались, хотели провести весь день дома, – хихикнула Зоя.

Я понеслась на улицу Нестерова, предвкушая, как скажу Базилию все, что о нем думаю. Дом внушал глубокое уважение, даже некоторый страх. Ворота во двор закрыты, возле них дежурит охранник, который, перед тем как впустить «Вольво», сначала позвонил хозяевам и уточнил, ждут ли те гостей.

Первая дверь подъезда оказалась закрытой на кодовый замок, вторая щетинилась домофоном. Когда я наконец проникла внутрь, путь преградил лифтер. Причем не какая-нибудь убогая бабуля, трясущаяся от старости, а здоровенный парень с шеей борца сумо. Он принялся с пристрастием допрашивать меня, разве что не потребовал анализ крови. Потом вновь последовал звонок хозяйке... Словом, когда я наконец добралась до цели, мой организм переполняла здоровая злоба. Ну скажите, кем надо быть, чтобы так прятаться?

В квартире начались сюрпризы. Несмотря на звонкий голос и модную стрижку, Зое было явно около шестидесяти. Хотя, следовало признать, сохранилась дама великолепно. Подтянутая, спортивная фигура, легкий загар, искусный макияж. Во все, очевидно, вложена уйма денег. О богатстве кричали крупные сапфировые серьги и браслет с такими же камнями. В воздухе пахло незнакомыми, но явно сверхдорогими духами. Мебель в холле безупречно новая, на полу настоящие туркменские ковры ручной работы...

– Агентство сработало просто прекрасно, – чирикала дама, сопровождая «юриста» в гостиную, – господин Корзинкин то, о чем мечтала всю жизнь: умный, интеллигентный, красивый...

Мы вошли в огромную комнату с четырьмя окнами. Герой-любовник стоял спиной ко входу, разглядывая какие-то безделушки на каминной доске. Услышав шаги, он обернулся и поинтересовался:

– У нас гости, Зоинька?

Я обалдела. Передо мной стоял высокий темноволосый и черноглазый мужчина в идеально пошитом костюме. Он страшно походил на Корзинкина ростом и чертами лица, но это не Базиль. Стараясь не показать растерянности, я собрала мысли в кулак и спросила:

– Вы господин Корзинкин?

– Да, – мило улыбнулся самозванец, – к вашим услугам.

Осталось проверить еще одну вещь. Сделав просительное лицо, я заныла:

– Извините, конечно, что мешаем, но в агентстве забыли записать номер и серию вашего паспорта.

Мужчина вынул из кармана синенькую книжечку. Это определенно паспорт Базиля, интересно, как он к нему попал?

– Bonjour, monsieur, – сказала я, глядя, как моментально вытягивается лицо негодяя. – Dôtes-moi.

Мужик минуты три слушал непрерывную французскую речь и наконец опомнился.

– Простите, – мягко и как-то обволакивающе промурлыкал он, – право, не совсем удобно сейчас разговаривать на другом языке. Зоинька совершенно ничего не понимает.

– Точно, – подтвердила дама, – ни в зуб ногой.

Я усмехнулась. Интересно, как он избавится от любовницы? Оказалось, что очень просто.

– Дорогая, – продолжал мурлыкать самозванец, – ты ведь собиралась в салон? Поезжай спокойно, а я провожу девушку и приготовлю нам обед! Это будет сюрприз, и поэтому не хочу, чтобы ты при этом присутствовала.

– Прелесть! – взвизгнула престарелая любительница мужчин. – Очаровательно! Обожаю сюрпризы! Улетучиваюсь! – И она, жеманно прихихикивая, выскочила из гостиной, стараясь изобразить детскую непосредственность.

Я поглядела на подлеца и снова принялась выплевывать французские фразы. Но мошенник замахал руками.

– Все, все, хватит, ведь уже поняли, что я не владею языком.

Я кивнула.

– Кто вы? – спросил любитель богатых дам.

– Близкая подруга настоящего Базиля Корзинкина.

– Сколько хотите, чтобы убраться отсюда?

Я расхохоталась.

– Деньги не нужны.

– Тогда что?

– Где взяли паспорт и куда подевался подлинный Базиль?

– Понятия не имею, – спокойно заявил аферист.

Я так и подскочила от злости.

– Прекратите дурить. Могу прямо сейчас позвонить Кате и Анне. Обе жаждут потолковать с вами по душам.

Мужчина слегка изменился в лице, но до конца не сдался:

– Не имею чести быть знакомым.

Нет, это просто смешно.

– Послушайте, – вкрадчиво завела я, – очень глупо отрицать очевидное. Вас элементарно опознают в агентстве и в ресторане «Украина». Кстати, не стыдно ли бросать беспомощную женщину? Ее могли отправить в милицию. Да и Катя небогата, а вы утащили у нее все деньги...

– Дураков учить надо, – неожиданно зло ответил «Базиль». – Никто не заставлял, сама все на стол вывалила и заныла: «Женись на мне». А Аня пусть спасибо скажет, что интересный мужик с ней время провел. Ну кому она нужна, вобла занудливая, а уж как мясо режет! Мизинчик оттопырила и жеманится, тьфу, а не баба.

Я глядела на негодая во все глаза. Из-под упавшей маски интеллигента выглянуло мурло хама.

– Давай, – велел мошенник, – говори быстро, сколько хочешь, и покончим с этим делом. Я вздохнула.

– Значит, так: три тысячи баксов, золотые украшения Кати и три тысячи рублей.

Аферист заржал:

– А ху-ху не хо-хо?

Проигнорировав хамство, я вытащила из кармана мобильный, набрала номер и подала трубку мужчине.

– Слушай, что скажут.

– Милиция, сто сорок пятый, здравствуйте, – громко донеслось из телефона.

Я выхватила «Эриксон» и сказала:

– Соедините с полковником Дегтяревым.

– Ладно, ладно, – завопил мошенник, – будь по-твоему, только осталось две тысячи «зелени», больше «капусты» нет, потратил, понимаешь.

– Гони! – велела я приказным тоном.

Казанова вытащил из пиджака портмоне.

– А золото?

«Базиль» развел руками:

– Ушло.

– Паспорт откуда взял?

Мужик заколебался.

– Не дергайся, – успокоила я его, – сейчас выйдем из квартиры, и иди на все четыре стороны, ты мне на фиг не нужен...

Аферист вздохнул. Как все мошенники, он был трусоват и совершенно не хотел общаться с представителями закона.

– Нашел, – выпалил он любимую отговорку карманников.

– Ладно, – покладисто согласилась я, – боюсь только, что, если станете придерживаться такой версии, будет трудно отмазаться от соучастия в похищении человека.

Мошенник посерел.

– Ну правда нашел!

– Где?

Казанова принялся каяться. Всю жизнь он конфликтует с законом, но сидел только один раз, да и то совсем недолго. «Специальность» у мужчины редкая – брачный аферист. Правда, до женитьбы дело, как правило, не доходит. Мошенничество отработано до деталей. Изучаются объявления и картотеки агентства, куда «Базиль» является под видом жениха. В первую очередь его интересуют бабы между сорока и пятьюдесятью.

– Самый тот возраст, – растолковывал «Корзинкин» свою технологию, – либо вдова, либо разведенка. Прекрасно понимают, что поезд уходит, и готовы на все.

Но мошеннику нужны деньги или драгоценности. Поэтому, напросившись к «объектам» в гости, он так строит разговор, что жертвы сами показывают, что и где хранят. Дальше просто: несколько таблеток в чай, и «невеста» спит глубоким сном. Впрочем, с особо симпатичными он мог сначала лечь в койку. Во всяком случае, итог всегда был один и тот же: бедные бабы просыпались утром в ограбленной квартире. Почти все они поголовно не спешили в милицию. Было как-то стыдно признаваться в собственной глупости. Впрочем, и негодай работал осторожно. Два раза одно агентство не посещал, стараясь найти во время единственного визита как можно больше кандидатур. На руках у подлеца находилось несколько паспортов, и он представлялся попеременно то Александром, то Владимиром, то Николаем...

Дней восемь тому назад судьба забросила его в абсолютно нищую квартиру. Напоив хозяйку «коктейлем», мерзавец методично обшарил комнатку и кухню. Ну просто ничего не нашлось, даже завалящего колечка или цепочки. Только в шкафу висела вызывающе роскошная дамская сумка из крокодиловой кожи. Она смотрелась среди жалких платиц как шикарная гостья в бальном наряде среди нищенок. Аферист ушел, прихватив ридикюль.

Дома он методично изучил добычу и был разочарован. Внутри лежал тонкий дорогой носовой платок, сумочка с хорошей косметикой, флакончик французских духов и коробочка ментоловых пастилок. Больше ничего – ни кошелька, ни портмоне, ни конверта с деньгами... Обозленный, он хотел было зашвырнуть ридикюль в угол, но нащупал пальцами за подкладкой какой-то плоский предмет. Через секунду обнаружился ловко спрятанный потайной кармашек. Предвкушая добычу, аферист вытащил паспорт на имя Корзинкина. Мужик на фотографии походил на него, такие же глаза и волосы. Короче, на следующее утро он явился в очередное агентство уже «Базилем».

– У кого упер сумочку?

– Зовут ее Майя.

– Где живет?

Мужчина принялся соображать и наконец выдал адрес – большой кирпичный дом возле метро «Аэропорт», этаж последний, а вот квартиру не запомнил – то ли девяносто пять, то ли девяносто семь, да и не к чему записывать было...

– Сумку куда дел?

– Зое подарил, – признался кавалер.

– Неси сюда.

Мошенник ткнул пальцем куда-то в сторону подоконника.

– Возьми там.

Я подошла к окну и увидела большую сумку из крокодиловой кожи. Вызывающе дорогая вещь. Такую не возьмешь в руки, если нет подходящего делового костюма, а главное, стильной обуви. Модельеры во всем мире считают, что туфли и сумочки следует выдерживать в одном стиле.

За моей спиной раздался стук двери. Я быстро обернулась. Комната опустела – мошенник убежал от греха подальше, бросив на диване паспорт Базилия. Я подобрала книжечку и, сунув под мышку сумку, двинулась на выход. Не хватало только, чтобы сейчас вернулась Зоя и принялась рыдать.

Возле метро «Аэропорт» было два желтых кирпичных дома. Ноги подняли меня на последний этаж того, что разместился слева от площади. Лифт не работал. На площадку выходило три двери: девяносто пять, девяносто шесть, девяносто семь. Я принялась названивать в первую. Высунулась толстая морда со стеклянными глазами.

– Майя тут живет?

– Какой май, – икнула личность, испуская жуткие миазмы, – ноябрь на дворе давно, зима скоро, пора туалет утеплять...

Ну, с таким не договоришься, и я ткнулась в следующую квартиру.

Благообразная старушка методично объяснила, что во всем подъезде нет ни одной Майи. Пришлось идти в другое здание. Там оказалось два подъезда и на последних этажах квартиры под совсем другими номерами. Вернувшись в первый дом, я позвонила в девяносто седьмую квартиру. Сначала раздалось бойкое твяканье, потом на пороге появилась маленькая, худенькая, даже изможденная женщина. На руках она держала бело-черную собачку неопределенной породы.

– Вы Майя?

– Да, а вы от Маргариты Львовны? Проходите.

Мы пошли в комнату. Здесь из всех углов кричала бедность, даже нищета. Чистенькая, аккуратная, пытающаяся свести концы с концами. Простенькая, старая, натертая воском «стенка», потрепанный диван и кресла, прикрытые отглаженными накидками, палас, повернутый так, что самое протертое место оказалось под обеденным столом. Сама хозяйка явно недоедала, лет ей, очевидно, около пятидесяти, а выглядит старушкой. Впечатление усиливал идеально выстиранный байковый халат и шерстяные самовязанные носки. В комнате тепло, но голодный человек постоянно мерзнет.

– Не сомневайтесь, – принялась заверять женщина, – я хорошая домработница и беру недорого, а то, что худая, так это даже лучше, везде пролезу, в любую щелочку.

Она с надеждой посмотрела на меня беззащитными глазами побитого щенка.

– Только что говорила с вашей соседкой, так она заверяла, что в подъезде нет ни одной Майи...

– Наверное, к Алевтине Макаровне позвонили, – улыбнулась женщина, – бедняга давно в маразме, ничего не помнит, все путает, сколько раз с улицы приводили, квартиру найти не может. Сейчас паспорт покажу.

Я повертела в руках документ – Колосова Майя Ивановна, год рождения 1964-й. Ей всего тридцать пять! Лохматая собачка принялась с шумом обнюхивать мои туфли. Почему-то стало безумно жаль и ее, и хозяйку. Но делать нечего! Вздыхнув, достала роскошную сумку и, шлепнув ее на стол, поинтересовалась:

– Ваша?

Лицо Майи окончательно скукожилось, и она стала похожа на морскую свинку. Щеки вспыхнули огнем, а из глаз полились слезы. Всхлипывая и шмурыгая носом, женщина просто-нало:

– Господи, первый раз в жизни бес попутал.

Она отчаянно рыдала, собачка нервно поскуливала. Я пошла в кухню и открыла старенький «ЗИЛ» в надежде найти валерьянку или валокордин. На железных полочках было пусто, только на дверце белело одно-единственное яйцо. Я заглянула в хлебницу – несколько кусков ржаного хлеба...

Из комнаты перестали доноситься рыдания, и, вернувшись туда, я увидела, как Колосова, закатив глаза, падает на безупречно вычищенный палас. Я кинулась к бедолаге. Но ни похлопывания по щекам, ни холодная вода, вылитая за шиворот, не возымели действия. Майя не приходила в себя, и ей явно становилось хуже. Набрав 03, я попыталась приподнять голову упавшей, но испугалась того, как посерели запавшие щеки, и оставила попытки. Успокаивало только то, что несчастная дышала. Ждать, к удивлению, пришлось недолго. Минут через пятнадцать, гремя железным чемоданчиком, вошли две грузные одышливые тетки. Без всякого сожаления они утавилились на лежащую Майю. Потом одна, кряхтя, наклонилась и объявила:

– Верка, готовь обычную.

Вторая довольно ловко скрутила головку какой-то ампулы, и бабы принялись тыкать в хозяйку иглами. После третьего укола щеки Майи покинула трупная желтизна, губы из белых превратились в розоватые, и мутноватые глаза приоткрылись.

– Значит, так, – велела докторица, – дать немедленно горячего чая с сахаром, белый хлеб с маслом, а лучше кусок хорошего мяса с картошкой или рыбу, в общем, покормите как следует. Вон как скрутило!

– Что с ней? – робко спросила я.

– Недостаток массы тела, истощение, голодный обморок, – равнодушно пояснила тетка, захлопывая чемодан. – Сейчас сделаем необходимые уколы, но, если не поест, опять с копылок съедет.

– Давайте поднимем ее на диван, – предложила я.

Бабы поглядели на меня.

– Сейчас очухается и сама встанет, тяжело ведь!

Соля, как разыгравшиеся мопсы, они ушли. Я поглядела на лежащую Майю и пошла в магазин.

Глава шестая

В двух шагах от дома оказался огромный супермаркет. Прихватив с десяток пакетов, вернулась назад. Колосова уже сидела на диване. Увидав меня, она вновь побледнела. Испугавшись, что тетка опять лишится чувств, я быстренько проговорила:

– Здесь еда, сейчас пообедаем.

– Спасибо, не хочу, – пробормотала слабо сопротивляющаяся хозяйка.

– Сначала салат и вот заливная рыба, – продолжала я, – к сожалению, отвратительно готовлю, но кофе сварить могу.

Пару минут ушло на то, чтобы заполнить холодильник и вскипятить джезvu. Помня советы доктора, высыпала в тарелочку трюфели и притащила конфеты в комнату. И мисочка из-под салата, и лоточек, в котором лежала рыба, были просто вылизаны. Разлив кофе по щербатым кружкам, я вытащила «Голуаз» и спросила:

– Дым не мешает?

– Можно папироску, мои кончились? – просительно пробормотала Майя.

Я пришла в ужас. Ну ладно нет продуктов, но как может курильщик прожить без сигарет?

– Вы работу потеряли? – поинтересовалась я, после того как женщина с явным наслаждением затянулась сигаретой.

– Ага, – грустно ответила Майя.

История, как я и предполагала, была самой банальной. Сидела сотрудницей в НИИ. Пока зарплату платили регулярно, жить еще как-то удавалось. Но потом институт тихо зачах, и сотрудников отправили на биржу труда. К сожалению, Майя, имевшая профессию театроведа, не умела ничего делать руками. Специальность, что и говорить, интересная, но абсолютно никому не нужная в наше время. Год она получала постоянно уменьшающееся пособие, потом пристроилась в магазин уборщицей. Но беда не приходит одна, и у бедолаги обнаружилась миома, потом киста, затем еще что-то. Короче, почти четыре месяца она провалялась в больнице и вышла, пошатываясь, имея за плечами три операции. Дали инвалидность, вторую нерабочую группу, то есть четыреста рублей пенсии и льготы по оплате коммунальных услуг. Но все равно сто рублей уходит только на платежи, хотя Майя экономит на всем. Телевизор включает лишь раз в день, ненадолго, поглядеть любимый сериал. Свет почти не зажигает, а читает у окна. Естественно, не покупает никакой одежды, вместо зубной пасты использует порошок и никогда не выбрасывает даже малюсенькие обмылочки. Но, к сожалению, еще пятьдесят драгоценных рублей уплывают на то, чтобы не ходить грязной и вшивой. На оставшиеся две-три пятьдесят следует исхитриться и прокормить себя и собаку Куку, бросить которую невозможно.

– Господи, – вырвалось у меня, – как же можно уложиться в такую сумму?

– Да просто, – улыбнулась Майя, – только пенсию получу, сразу покупаю геркулес, растительное масло и килограмм сахара. Иногда пшено, а вот рис и гречку никогда – слишком дорого.

В общем, ей удавалось кое-как сводить концы с концами, но десять дней тому назад пришлось праздновать день рождения. Две подружки напросились в гости, и страшно не хотелось признаваться им, обеспеченным и хорошо одетым, что голодает. Поэтому купила совершенно невероятные вещи и сделала салат из риса, яиц и крабовых палочек, отварила картошку, почистила селедки... Пришлось подать сливочное масло и белый хлеб... Сама давно покупает из экономии только ржаной. Но окончательно добил скудный бюджет торт. Вот так Майечка и осталась совершенно без копейки. Правда, подружки были довольны приемом и даже сделали подарки. Одна принесла роскошный набор – мыло, шампунь и бальзам для волос. Майя была просто счастлива, зато вторая...

– Представляете, – грустно улыбнулась Колосова, – пошла и поставила меня на учет в брачное агентство. И фото отнесла то, где мы на втором курсе. Заплатила кучу денег – тысячу рублей. Уж лучше бы мне отдала. Но кто на такую польстится? Правда, нашелся один.

Погуляли немного по улицам, затем поднялись к Майе, попили пустой чай, и кавалер явно разочаровался в нищей даме. К тому же бедняга уснула прямо за столом. Претендент, естественно, смылся...

– А сумка? – прервала я рассказ.

Майя стала пунцовой, глаза налились слезами. Ей очень хочется найти работу, но с такой профессией остается только заниматься физическим трудом – идти в уборщицы или домработницы. Однако состояние здоровья у Колосовой не самое хорошее, и день-деньской крутиться с тряпкой и шваброй ей просто не под силу, вот и перебивается случайными заработками.

Недели две тому назад одна из ее знакомых, Соня Рогова, как раз та, что поставила Майю на учет в агентстве, предложила поработать вечером на кухне в богатом доме.

– У них прислуга заболела, – пояснила Майя, – а на один день нанимать не хотят.

Колосова с радостью согласилась. Странности начались с самого начала. Адрес ей не назвали. В два часа дня за Майей заехали «Жигули». Окна машины закрывали шторы, а между передним и задним сиденьем оказалось черное стекло с окошком. Ехали минут сорок и очутились за городом, во дворе шикарного особняка. Шофер велел идти к черному ходу. Там их встретила молоденькая девушка, по виду почти ребенок, и, назвавшись хозяйкой, приказала надеть форму. Майя должна была подавать кофе и пирожные. Обед обслуживали официанты.

В гостиной находилась только одна пара. В половине седьмого женщина принесла им поднос со сладостями. В восемь приказали вновь идти в ту же комнату и опять нести кофейник и пирожные. На этот раз на диване сидела другая парочка.

– Я только дивилась, – бесхитростно повествовала Майя, – как богатые люди гостей принимают.

Весь вечер ее гоняли, всего женщина обслужила три пары, но хозяйки с ними не было.

Где-то около полуночи опять появилась девушка и, сунув конвертик, велела идти во двор к машине. Майя сняла форму, надела старенький костюмчик и только тогда заглянула в конверт. Там сиротливо лежала сторублевая купюра. Так мало ей еще никто не платил. Решив побеседовать с жадной хозяйкой, она пошла через шикарный холл к лестнице и поднялась на второй этаж. Но не успела женщина сделать и пары шагов по коридору, как из комнаты вышел молодой парень и поинтересовался, что она тут делает. Колосова принялась лепетать про деньги. Парень приказал немедленно убираться.

Глотая слезы и понимая, что ее обманули, бедняжка опять спустилась в холл. На вешалках висело несколько роскошных дамских и мужских пальто, от которых восхитительно пахло неизвестными духами. Тут же на столике небрежно валялись перчатки, шарфы и пресловутая сумка. И Майя сделала то, чего никогда раньше не совершала. Схватила вызывающе шикарный ридикюль и, сунув добычу под свой замусоленный плащик, пошла к машине. Кражи никто не заметил. На этот раз шофер довез ее только до метро «Тверская» и велел выматываться из машины.

– Не поверите, – каялась Майя, – никогда, ни разу в жизни не брала чужого, а тут стало так обидно! Сунули мятые сто рублей, да там перчатки лежали тысяч за пять. Знаю, видела точь-в-точь такие на витрине. Просто разум помутился, а руки сами и схватили...

В сумку она, конечно, заглянула, но никаких денег не нашла и повесила добычу в шкаф. Пользоваться лежащими там косметикой и духами не хотела, а выбросить дорогую вещь рука не поднималась. Поэтому страшно обрадовалась, когда после ухода «жениха» обнаружила пропажу.

– Надо же, – искренне удивилась Колосова, – претендент-то оказался вором. Наверное, хотел у меня чем-нибудь поживиться и снотворное подсыпал в чай. Вот небось удивился, когда

ничего не обнаружил! Спасибо ему, что сумку унес. А то я на нее смотрела и страшно себя ненавидела. Каждый день боялась, вот сейчас придут и в милицию за кражу поволокут...

И она снова тихо заплакала.

– Ладно, – сказала я, – вы должны мне помочь, не бесплатно, конечно. Работаю частным детективом, и моя клиентка готова хорошо заплатить за информацию, вот.

Глядя на красивые зеленые бумажки, Майя просто задохнулась.

– Это мне? За что?

– Только скажите телефон и адрес подружки, устроившей вам подработку.

– Соня Рогова, – быстренько сообщила Майя, доставая телефонную книжку.

Погода окончательно испортилась. С неба валил ледяной суп, ветер бросал в лицо куски размокшего снега, стало невыносимо холодно, и я включила в автомобиле печку. На часах около семи, а на дворе уже кромешная темнота, будто стрелки подбираются к полуночи. Впрочем, чего же я хочу, наступает время самых длинных ночей. Редкие прохожие неслись по грязным улицам, как вспугнутые мыши. Чтобы хоть чуть-чуть развеселиться, я включила музыку и поехала в Ложкино.

Удивительный случай – все дома и как раз уселись ужинать. Я оглядела стол. Привычно взлохмаченный Миша, усталый Аркашка, молчаливая Зайка и оживленно болтающая Маруся. Справа – трое незнакомых детей.

– Мусик, – подскочила Манюня, – знакомься: это Сережа Вильданов, Надя Крутикова и Кирилл Когтев. Они ненадолго, вот только Миша им все объяснит, и они уйдут.

Аркашка безнадежно вздохнул. Не так давно сын признался, что больше всего на свете хочет жить в башне на берегу моря в компании телевизора и холодильника. И чтоб никаких гостей и родственников! Полная тишина...

– Где Галя? – поинтересовалась я, накладывая себе в тарелку салат.

– Говорит, голова кружится, – пробормотала Зайка с несчастным видом.

Тут дверь распахнулась, и появилась девица на выданье. Она опять нацепила черное платье, но телеса послушно втиснула в грацию. Слегка покачиваясь на высоких каблуках, девушка доковыляла до стула и, плюхнувшись всеми ста килограммами на жалобно заскрипевшее сиденье, прошептала:

– Добрый вечер.

– Привет, – проорала Манюня.

Зайка с Аркадием вымученно заулыбались, Миша даже не поднял головы от тарелки. Интересно, что следует предпринять, чтобы вывести его из состояния равновесия. И тут раздался радостный собачий лай – в столовую вошел обвешанный пакетами полковник.

– Ура! – завизжала Манюня и кинулась целовать мужчину.

– Погоди, погоди, – отбивался приятель, – посмотри лучше, что я принес.

Он свалил кулечки на диван. Полковника воспитывала в давние времена мама-учительница, поэтому он твердо соблюдает правило: едешь в гости – вези подарки.

С радостным визгом Маня выхватила из груды коробку.

– Корзиночки с белым кремом! Класс!

– Вот уж не стоит ей давать столько сладкого, – посетовал Кеша, – скоро толще меня станет.

– Ну это нетрудно, потому что ты... – начал Александр Михайлович...

– Глиста в обмороке, – тут же уточнила Манюня, за что моментально получила от Зайки газетой по затылку.

– Мама, – заныла Маруся, – она меня бьет...

Не обращая внимания на стоны, Ольга вытащила внушительную фигурку таксы и воскликнула:

– Нет, какая прелесть!

Зайка много лет собирает фарфоровых собачек и, как все коллекционеры, окончательно потеряла рассудок. Каждая фигурка имеет имя и живет в «семье». Собачьи стаи при этом подбираются по непонятному принципу. Во всяком случае, два пуделя стоят не вместе, а на разных полках.

Повеселевший Аркадий вертел в руках брелок со значком «Мерседеса», я тоже направились было получить свою долю, но тут раздался треск, страшный всхлип и звук упавшего тяжелого предмета. Все обернулись. У стола, нелепо подвернув ногу, лежала без чувств Галя. Домашние забегали бестолково, словно слепые куры. Кое-как Кеша, полковник и Машкины одноклассники дотянули тушу до дивана и шлепнули на подушки.

- Надо бы врача вызвать! – посоветовала Зайка.
- Все принялись давать мне бестолковые указания.
- Неси воды и валокордин, – велел полковник.
- Намочи полотенце водой, – приказал Аркадий.
- Муся, в ванной есть нашатырь, – напомнила Манюня.

Больше всего мне в домашних нравится привычка командовать матерью. Вытащив телефон, я второй раз за день вызвала «Скорую помощь».

И опять машина прикатила сразу. Правда, Галя уже пришла в себя и хлопала глазами. Довольно симпатичный молодой врач велел детям и мужчинам выйти, померил давление и с укоризной произнес:

– Знаете, почему великосветские дамы девятнадцатого века постоянно лишались чувств на балах? Из-за корсетов! Ну как можно так утягиваться! Тоньше все равно не станете, а здоровье подорвете...

Потом оглядел комнату, стол, коробки с пирожными и посоветовал:

- После семи кефир, а еще лучше французская диета.
- Это как? – поинтересовалась вечно худеющая Зайка.
- Утром кекс и секс, в обед секс и кекс, на ужин только секс. Если не поможет, отмените кекс, – абсолютно серьезно заявил доктор.

Я засмеялась, Галя стала свекольно-бордовой. Грацию она расстегнула, и стали видны полоски на коже.

Проводив эскулапа, я велела Зайке сопровождать Галю в спальню и, уже когда они ушли, обнаружила в самом дальнем углу комнаты Мишу. Математик устроился на краешке кресла, положил на колени довольно большую книгу, сверху листок бумаги и самозабвенно черкал карандашом, накручивая волосы на палец левой рукой. Подергав одну прядку, он принимался за другую. Оставленные кудряшки стояли дыбом.

- Миша, – позвала я его.

Ноль эмоций. Пришлось подойти и потрясти за плечи. Профессор поднял отсутствующий взор.

- Миша, сейчас будем чай пить, идите к столу.
- Конечно, конечно, – послушно забормотал мужчина и встал. Книга упала на пол.
- Прости, милый, – сказал Миша и нагнулся.
- Секунду он разглядывал том, потом засмеялся.
- Думал, опять Хучика уронил!
- Затем обвел удивленным взором комнату и недоуменно спросил:
- Где все? Что-то случилось?

Я только вздохнула. Очень странный экземпляр, совершенно не замечает окружающего. Интересно, если сунуть Галю ему под одеяло, он найдет ее там? Скорей всего, думаю, рано или поздно обнаружит, не удивится, а скажет:

- Рад знакомству, спокойной ночи.

Глава седьмая

На следующее утро сперва поехала домой к глупой Кате и опустила в ее почтовый ящик конверт с деньгами, изъятыми у лже-Базиля. Потом решила заняться Соней Роговой. Дама, составившая Майе протекцию, совершенно мне не понравилась. Надо же, просто подставила подругу, к тому же абсолютно нищую. Выглядело это очень некрасиво, так как сама мадам Рогова, судя по всему, более чем обеспечена. Адрес, который дала Колосова, привел на окраину Москвы, почти в предместье, к красивому двухэтажному дому, обнесенному довольно высоким забором.

Притормозив недалеко от ворот, я закурила и решила подумать, как лучше представиться даме, но тут створки ворот разъехались, выпуская роскошный красный «Мерседес». За рулем горделиво восседала платиновая блондинка лет тридцати.

– Софья Николаевна, – донесся истошный крик со двора, – сумочку забыли.

«Мерседес» притормозил. Женщина приоткрыла дверь. Размахивая небольшим кожаным сундучком, к ней со всех ног бежала девушка в синем платье и белом фартуке.

– Давай, – процедила сквозь зубы хозяйка и завела мотор.

Не задумываясь, я последовала за ней. Посмотрю, куда милейшая Софья Николаевна отправится, авось придумаю, как к ней подкатиться.

Целый день я убила на слежку за объектом. Оказалось – легче легкого. Ездила дама медленно и аккуратно, никаких длинных концов не делала, крутилась в основном в центре. Сначала посетила довольно дорогую парикмахерскую, потом зарулила во французскую кондитерскую и выпорхнула оттуда с коробочкой пирожных, следом отправилась в Глаголевский переулок и запарковалась у небольшого светло-розового домика постройки начала века.

Потекли томительные минуты ожидания. Примерно через два часа мне надоело бесцельно скучать, и я вылезла во двор.

Было холодно, но солнечно, и на скамеечке пристроилась закутанная в кучу шарфов бабка с коляской. Я уселась рядом. Старуха неодобрительно покосилась на пачку «Голуаз» и проворчала:

– Что за мода пошла! Мужики дымят, и бабы туда же, просто противно.

Я быстренько спрятала обруганные сигареты и миролюбиво заметила, ткнув пальцем в вызывающе шикарный «Мерседес»:

– Красивая машина, наверное, очень дорогая!

– А это знаешь чья? – неожиданно оживилась бабка. – К Лешке Гаврюшину любовница ездит.

– Да ну! – подстегнула я сплетницу. – Не может быть!

– Вот и я так думала! – торжествуя воскликнула старуха. – Ему-то всего ничего, только-только восемнадцать исполнилось, а ей небось сороковник катит, хотя, конечно, молодую изображает. Юбочка до пупа, сапожки белые, сиськи из выреза вывалит и ковыляет на каблучицах. Тут бабы говорят, вроде она его от армии отмазала, благодарит теперь, как умеет.

– И часто встречаются?

– Да, считай, каждый день, как по часам. Только к трем ходики подберутся, она уж тут, а в пять уедет.

Я поглядела на часы – 16.50.

– Во-во, гляди, – оживилась информаторша, – сейчас прощеваться начнут.

Из подъезда вышла парочка. Уже знакомая мне Софья Николаевна и молодой парень атлетического сложения. Несмотря на холод, он щеголял в одной рубашке с короткими рукавами. Небось хотел продемонстрировать внушительные бицепсы. А посмотреть было на что. Фигура Ромео напоминала перевернутый треугольник – широкие плечи и узкие бедра. Кра-

сивые белокурые волосы, наверное, шелковистые на ощупь, венчали голову, лицо с правильными, но какими-то аморфными чертами. Словом, парнишка хорош, как мыльная обертка.

Аккуратно поддерживая Софью Николаевну под локоток, он подвел ее к машине и бережно помог открыть дверь. Засим последовал страстный поцелуй. Мы с бабкой глядели во все глаза. Парочка не обращала на нас никакого внимания. Наконец Гаврюшин с видимым усилием оторвал от себя любовницу и запихнул дамочку в авто. Соня высунула в окошко левую руку, и Леня принялся обцеловывать поданную длань. Наконец заурчал мотор, и дама уехала.

Я постояла секунду в раздумье. Адрес Роговой известен, всегда успею ее потрясти. Может, сначала попугать этого страстного принца, узнать побольше о Соне из третьих рук! Мальчишка тем временем исчез в подъезде, я понеслась за ним. На втором этаже он дернул дверь, и в этот момент я вкрадчиво прочирикала:

– Господин Гаврюшин, уделите пару минут...

От неожиданности парнишка чуть не заорал, но удержался и промямлил:

– Вам чего? Вы кто?

Я усмехнулась:

– Трудно объяснить, скажем, представитель семьи Сони Роговой.

Мальчишка изменился в лице и прошептал:

– Вы ее мать?

Сильнее меня еще никогда не оскорбляли! Мать этой крашеной кошки?! Да я выгляжу, как ее младшая сестра! Либо у Казановы от страха крыша поехала, либо на лестнице слишком темно.

– Нет, – довольно резко сообщила я, – с другой стороны, родственница супруга.

– Ужас! – пролепетал красавчик, не попадая дрожащими руками в карман. – От мужа!

– А вы не знаете, что Соня замужем?

– Нет, то есть да, вернее, нет, – начал отбиваться бедолага.

Красивое, несколько апатичное лицо покрыли бисеринки пота, роскошные карие глаза с поволокой бегали по сторонам. Маруся называет подобных людей коротко и емко – слизень.

– Детка, – тихо сказала я, – не следует так пугаться, не сделаю ничего плохого, только поговорим по душам, и все...

Теперь мальчишка не мог воткнуть ключ в замочную скважину. Я отобрала у него связочку и мигом отперла квартиру.

В прихожей стояла звенящая тишина.

– Один живешь?

Парень кивнул, и мы вошли в довольно большую комнату. Обстановка впечатляла – такая смесь восточного базара, музея дворянского быта и борделя в Жмеринке. Все устлано коврами, юрта кочевника, да и только. С потолка свешивается слишком большая для такого помещения бронзовая люстра. Роскошная темно-зеленая кожаная мебель, низенький журнальный столик, огромный телевизор «Сони», видик, куча кассет и гора журналов «Семен».

– Там что? – спросила я, ткнув пальцем в черную дверь.

– Спальня, – проблеял Леня.

Желая убедиться, что мы одни, я толкнула створку двери и онемела.

Всю площадь занимала огромная круглая кровать с роскошным кружевным бельем. Стены темно-фиолетовые, в потолок вделано зеркало. Пол затянут белым ковром с километровым ворсом. На подушке спит ангорская кошка в голубом ошейнике.

– Красиво живешь!

– Соня ремонт сделала, – принялся оправдываться Леня.

Не обращая внимания на его лепет, я исследовала набитую парфюмерией и косметикой ванную и вошла в кухню.

Похоже, Рогова не жалела денег на любовника.

– Ну, рассказывай, – велела я, усаживаясь на бархатный кухонный стул.

– Что?

– Все, где познакомились...

– Зачем это? – неожиданно решил сопротивляться парнишка. Очевидно, придя домой, он успокоился и осмелел.

– Знаешь, кто муж Сони?

Леня кивнул.

– Назови место работы!

– Зачем?

– Хочу проверить, правильные ли у тебя сведения.

– Сергей Николаевич Рогов – владелец «Монобанка».

Мысленно я присвистнула, надеюсь, Леня не врет.

– Правильно, значит, понимаешь, что проблем с деньгами у него нет?

– И ежу ясно, – хмыкнул Гаврюшин.

– Вот теперь и расскажи все про вас с Сонечкой.

– Зачем?

Удивительно скудная речь, знает только один вопрос.

– Затем, что Сергей Николаевич Рогов хочет знать, с кем жена проводит время.

– Так он в курсе? – обомлел Гаврюшин.

– В курсе, в курсе, – успокоила я его, – самому недосуг Сонечке мужское внимание оказывать, вот и смотрит сквозь пальцы на ее фортеля. Но при этом хочет быть уверен, что любовник аккуратный, чистоплотный, из хорошей семьи.

– Но она так боится, что муж узнает, мы даже никуда не ходим вместе, – пробормотал Леня.

– А ей и говорить не надо, пусть боится, а тебе, Ленечка, за молчание и хорошее поведение Сергей Николаевич в жизни поможет. Он меня специально нанимает для таких целей. Ты ведь у Сонечки не первый. Давай, котенок, рассказывай все, будь умницей.

Глупый Гаврюшин вздохнул и принялся изливать душу. Лет ему всего ничего – только-только восемнадцать стукнуло, а с Соней познакомился год назад на соревнованиях. Госпожа Рогова, явно равнодушная к красивому мужскому телу, посещала состязания по бодибилдингу. А Леня успешно выступал во всяких таких шоу. Он с четырнадцати лет только и делал, что качался, и вылетел из школы, будучи в девятом классе. При великолепно развитом теле обладал полным отсутствием умственных способностей.

Жил Ленечка до шестнадцати лет с родителями, самозабвенными пьяницами. Но накануне его семнадцатилетия папашка с мамашкой выпили какой-то дряни – дешевой фальшивой водки – и к утру тихо скончались. Леня похоронил родителей, даже устроил небольшие поминки, пригласил соседей, но горевать особо не горевал. Его жизнь после смерти пьянчуг стала только лучше. Денег, правда, хватало в обрез. Несколько раз снимался в рекламе мужского нижнего белья, оторвал две награды на конкурсах культуристов и весьма успешно работал «манекеном» в доме моделей. Пить юноша даже не начинал, впрочем, курить тоже. Он трепетно относился к своему здоровью, ел по часам, тщательно высчитывая нужное соотношение белков, жиров и углеводов. Чтобы росла мышечная масса, следует отлично питаться, но при этом есть риск растолстеть. Короче, день у него был занят под завязку, и тут появилась Соня.

Стояла зима, на женщине красовалась серенькая невзрачная шубка, как показалось простоватому Лене, из меха кролика. Позднее провожавшие женщину завистливыми вздохами «вешалки» пояснили парню, что манто из шиншиллы и стоит целое состояние.

Сонечка небрежно бросила шубейку на стул и осталась в крохотной мини-юбочке и обтягивающей кофточке. Переодевавшийся в одной с Гаврюшиным комнате опытный Семен Жезлов немедленно испарился.

Короче, они поехали вместе к Лене домой. Сонечка брезгливо поморщилась при виде обшарпанной квартиры и уронила:

– Надо сделать ремонт.

Буквально на следующий день прибыли мастера, превратившие неказистые комнатенки в хоромы. Следом привезли новую мебель. Соня быстро решила все проблемы. Каким-то образом ей удалось сделать любовнику белый билет. Леня сменил гардероб, завел парикмахера, начал делать маникюр и педикюр, стал читать книгу «Эротические фантазии». Любовница платила за все, от Лени требовалось только одно – быть дома в определенные часы в боевой форме. Как он проводит остальное время суток, ее не интересовало. Соня никогда не выводила свое сокровище в свет, объясняя такое поведение патологической ревностью мужа.

– Он у меня как собака на сене, – призналась она как-то раз, – и сам не может, и другим не разрешает. А я женщина страстная, темпераментная...

Что правда, то правда. В постели госпожа Рогова пылала, как пожар в торфянике. В голову ей приходили удивительные фантазии, и Леня забросил все эротические книжки. О таком, что умела эта дама, в них просто не писали. Иногда после бурных объятий Сонечка потягивалась, как сытая кошка, и рассуждала:

– Конечно, Леник, ты хорош необычайно и в постели не спишь, но ведь поговорить-то нам не о чем. Скоро надоешь.

Гаврюшин принимался тогда целовать женщину и уверять в своей любви.

– Не бойся, – смеялась циничная Соня, – ты у меня не первый и не последний, я всех своих мужиков потом хорошо пристраиваю.

Соня никогда не оставалась на ночь, даже когда супруг уезжал. Леня, включая телевизор, часто слышал, что Рогов отправился то в Англию, то во Францию...

– Рада бы у тебя переночевать, – вздыхала Соня, – оттянулись бы на полную катушку, да муж экономку нанял, Эсфирь Григорьевну. Так вот она за мной следит и все ему докладывает, где была, куда ездила, когда вернулась. Сергей первую жену, Маринку, знаешь как выставил? Голой и босой, как пришла. А мне этого совершенно не хочется, тем более что он уже в возрасте, шестьдесят пятый катит, вполне могу обеспеченной вдовой остаться, мне-то всего тридцать...

Выслушав откровения мальчишки, я, весьма довольная, покатила в Ложкино. Что ж, теперь знаю, чем прижать любвеобильную даму Софью Николаевну!

И в столовой, и в гостиной стояла тишина. Интересно, куда все подевались? Я пошла на второй этаж, толкнула дверь кабинета и обомлела. Комната набита детьми. Пять девочек, шесть мальчиков. На стене, между книжными стеллажами прикреплена доска. Возле нее стоит как всегда встрепанный Миша с выпачканным мелом лбом.

– На этой стадии понятно? – спросил мужчина.

– Да, – хором ответили ребята.

– Прекрасно, идем дальше. 7b в квадрате – 8с...

Ученики прилежно заскрипели ручками. Прямо перед доской восседал Хучик, казалось, мопс пытается понять основы алгебры.

Я тихонько прикрыла дверь и заглянула в комнату к Гале. Женщина лежала на кровати и читала «Люби меня вечно». Если и дальше так пойдет, ей останется одно – переживать чужие страсти. Ну надо же, живут в одном доме и, по-моему, даже не познакомились...

Во дворе хлопнула дверца машины – приехал усталый Кеша.

– Как дела? – спросила я, спускаясь в холл.

Аркаша оглядел грудку кроссовок, ботинок, туфелек и со вздохом спросил:

– Опять гости?

– Марусенька привела сюда весь свой колледж, и Миша наверху, в кабинете, проводит занятие по математике...

– Ну-ну, – пробормотал Кеша.

В столовой он вяло поковырял вилкой рыбу и отодвинул почти нетронутое блюдо.

– Устал?

Сын поднял глаза.

– Чем больше работаю, тем больше убеждаюсь, что кругом полно идиотов. Вот сегодня появился новый клиент. Убийца, шестнадцать лет. Черта изображал.

– Кого? – не поняла я.

История произошла несколько дней назад в одном из спальных районов. Где-то около полуночи в квартиру восьмидесятилетней Анны Марковны Степашиной позвонил гость. Удивляясь столь позднему визиту, Анна Марковна доковыляла до двери, глянула в «глазок» и замерла. На скудно освещенной лестничной площадке стоял самый настоящий черт. Лицо нечистика было чернее ваксы, только поблескивали белки глаз. Острые рога угрожающе торчали на маленькой голове. В правой руке он держал вилы, в левой – длинный хвост с кисточкой на конце. Анна Марковна завывала от ужаса. Она была крайне религиозна, соблюдала посты, праздники, и явление черта испугало ее до крайности.

Омерзительный гость услышал вопль и прокричал:

– Открывай, Степашина, пришел по твою душу.

Затем раздался жуткий хохот. Анна Марковна грохнулась оземь. По счастью, этой ночью у старушки ночевал внук. Парень услышал крики, вышел в прихожую. Увидев валяющуюся на полу бабушку, внук глянул в «глазок» и тут же распахнул дверь. «Черт», не ожидавший такого, бросился к лифту, но внук, молодой крепкий мужчина, ухватил его за хвост и втащил в квартиру. Закрыв «посланца ада» в комнате, парень кинулся к бабке и обнаружил, что та мертва.

Вызванная милиция быстро установила личность «черта». Костя Сироткин, сосед Степашиной, шестнадцатилетний школьник. Анна Марковна без конца делала ему замечания. То курит на лестнице, то с приятелями стоит...

В конце концов, мальчишка решил отомстить противной бабке. Зная о ее религиозности, придумал костюм черта и начал выплясывать перед дверью.

– Ну не думал я, что она помрет, – ревел мальчишка, размазывая по лицу сопли пополам с сапожным кремом, – думал, просто испугается...

Однако убийство есть убийство, и мальчика забрали в милицию. Родители кинулись в юридическую консультацию и обратились к Аркадию.

– И как прикажешь защищать такого идиота? – кипел сын. – Извините, не хотел? Сплошная глупость! Надо же, шестнадцать лет – и такой кретин!

В коридоре послышался шум, потом смех, дети явно собирались уходить. Вошел Миша, за ним как привязанный брел Хучик.

– Очень, очень любознательные молодые люди, – сообщил Миша, – к сожалению, в школе не слишком подробно объясняют, но я постарался внести ясность. Месячишко позанимаемся, и порядок. Можно чайку?

– Конечно, Мишенька, любименький, – закричала вбежавшая Машка, – еще пирожное съешь, мозгу сахар нужен.

– Спасибо, – пробормотал Миша и, вытащив из кармана какой-то листок, принялся быстро писать.

– Пойди позови Галю к ужину, – велела я.

Маруська скорчила рожу, но послушно потопала наверх. Кеша продолжал расковыривать рыбу, Миша писал, я молча пила чай.

Минут через пять в столовую вошла Галя. На этот раз она не надела грацию, и жирные складки явственно проступали под платьем.

– Садись около Миши, – велела я.

Девушка покорно устроилась на стуле.

– Миша, ешь, – строго велела Маня.

Мужчина, не глядя, протянул руку, ухватил крышку от масленки и понес ко рту.

– Да не это, – закричала Манюня, выдирая у него фарфоровую штучку, – вот что кусай!

И она сунула профессору под нос эклер.

– Ничего не понимаю, – вскрикнул Миша.

– А что тут понимать? – удивилась Маня. – Эклер как эклер!

– Не получается! – вновь воскликнул математик и сердито отодвинул листок. – Ерунда выходит!

– Вы лучше поужинайте, – вздохнул Кеша, – а то опять ночью на Банди наступите.

Я улыбнулась. Вчера профессор так увлекся, что не поел. Часа в три ночи на него напал жуткий голод, и он, не зажигая свет, двинулся на кухню, надеясь найти в холодильнике что-нибудь съестное.

Наш пит любит спать как раз на пороге. Ничего не подозревающий Миша со всего размаху наступил на его тонкий длинный хвост. Бандюша, не ожидавший нападения, заорал дурниной и, как водится, тут же описался. Математик, испугавшись не меньше, поскользнулся и упал в кухню... Проснувшаяся Зайка побежала вниз и обнаружила в, так сказать, пищеблоке копошащуюся кучу из человеческих ног и собачьих лап, сдобренную «ароматной» жидкостью.

– Вы правы, Кеша, – абсолютно серьезно заметил профессор и потянулся к рыбе.

– Мне кажется, здесь следует применить иной метод, – раздался робкий голос.

Все уставились на Галю. Женщина впервые заговорила сама, а не ответила на вопрос. Верещагина держала листок.

– Вот тут, – пробормотала она, – ошибка именно здесь!

Миша схватил бумажку. Черная и рыжая головы сблизились.

Мы с Кешей переглянулись.

– Простите, Галя, – осведомился сын, – а вы кто по профессии?

– Физик-теоретик, – ответила женщина, заливаясь краской.

– А ведь верно! – в ажиотаже закричал профессор. – Господи, как я не допер! Кстати, как вас зовут?..

Часов в одиннадцать, уже собираясь лечь в кровать, я заглянула в столовую. На ковре валялись исчерканные бумажки. Миша и Галя, тыча карандашом в очередной листок, ожесточенно спорили. Я, отметив, что они абсолютно одинаково крутят волосы, удовлетворенно вздохнула. Ну что ж, знакомство состоялось, подождем развития событий.

Глава восьмая

На следующий день в районе одиннадцати подкатила к особняку Рогова и храбро позвонила. Из домофона тут же донеслось:

- Кто?
- Софья Николаевна дома?
- Хозяйка не принимает, – донеслось из динамика.

Надо же так выдрессировать прислугу, наша Ира пускает всех без разбору.

- Передайте ей, что приехала старая подруга.
- Как зовут?
- Люба Гаврюшина.

Посмотрим, как милейшая Сонечка отреагирует на фамилию любовника! Ворота распахнулись, я медленно подкатила к парадному входу. На лестнице стояла молоденькая горничная в костюме и белом фартучке.

В холле маячила худощавая дама лет шестидесяти, затянутая в английский костюм. Наверное, шпионка Эсфирь Григорьевна. Экономка провела меня в гостиную. Соня нервно встала, но не успела она открыть рот, как я широко развела руки и запищала капризным голосом:

– Сонюшка, душенька, только что из Парижа и сразу к тебе, столько рассказать хочется! Вели прислуге кофе подать!

Софья Николаевна оказалась совсем не глупа, потому что указала на кресло и пропела:

– Садись, дорогая!

Потом повернулась к экономке и приказала:

– Эсфирь Григорьевна, распорядитесь!

Женщина вышла. Мы молча смотрели друг на друга. Так же молча Соня встала и выглянула за дверь, потом поплотнее прикрыла створку и прошептала:

- Кто вы?
- Люба Гаврюшина, близкая родственница Лени, – усмехнулась я.

Госпожа Рогова дернулась и внимательно оглядела брючный костюм от «Диора» и туфли от «Гуччи».

- Что-то не слишком похоже, – пробормотала она, – хотите денег?
- Своих девать некуда, – утешила я ее.

Привыкшая решать все проблемы посредством кредитной карточки, госпожа Рогова слегка растерялась. За дверью послышался шорох. Софья Николаевна моментально заулыбалась и светским голосом произнесла:

- Музей современного искусства просто потрясающ!
- Божественен! – откликнулась я. – Но Сен-Дени более впечатляет!

Другая горничная, тоже молоденькая и хорошенькая, разлила по тонким фарфоровым чашкам ароматный напиток, потом выжидательно замерла.

– Идите, Марина, – бросила Соня, небрежно взмахивая рукой.

Девушка почтительно поклонилась и испарилась. Да, нам такое и не снилось. Интересно, как достигается подобное поведение. Огромной зарплатой, наверное.

– В Москве такая скука, – капризно протянула хозяйка, предостерегающе поднося ко рту палец, – сейчас покажу итальянские фото, вот уж где можно отлично развлекаться, так это в Риме!

Она порылась в антикварном секретере и вытащила роскошный альбом, я принялась перелистывать страницы. На колени упал листок: «Здесь нельзя разговаривать, слуги подслушивают».

– Как мило, – процедила я, быстро комкая бумажку, – но хотела пригласить тебя в гости. Знаешь, Базиль купил новый дом, маленький, правда, всего одиннадцать комнат, но уютный!

– Чудесно, – воскликнула Соня, и мы пошли в холл.

Эсфирь Григорьевна с деловым видом поправляла цветы в огромной напольной вазе.

– Вернусь к ужину, – бросила хозяйка, набрасывая кожаное пальто, подбитое мехом леопарда.

Мы выскочили на мокрый двор, Соня ринулась к «Мерседесу», я к «Вольво». Через секунду красный автомобиль рванулся к воротам и резво покатыл по шоссе, я поехала за ним. Немного странная очередность, если учесть, что мы ехали в мой «новый» дом. Но, очевидно, Софья Николаевна знала, куда направляться, потому что весьма уверенно кружилась по почти деревенским улицам и проулкам, пока наконец не притормозила у театрально отделанной в стиле «рашен клюква» избушки. Из дверей выскочил парень, одетый под трактирного полового: синяя сатиновая косоворотка, черные плисовые брюки, белое полотенце за поясом. К такому костюму полагаются мягкие сапожки из сафьяна, но на мальчишке красовались самые обычные черные полуботинки. Зато густые волосы были щедро намаслены и разделялись посередине головы аккуратным пробором.

– Здравствуйте, здравствуйте, – радостно закричал парнишка, – проходите, сделайте милость.

– Тут абсолютно надежно, – сообщила Соня, когда мы уселись за большим деревянным столом с пузатым самоваром. – Живу в гадюшнике. Слуги все как один муженьку наушничают, а он...

Она безнадежно махнула рукой. Неожиданно стало ее жаль. Сама я выбегала замуж четыре раза, но в конце концов твердо решила, что лучше жить одной. Некого бояться, не перед кем отчитываться, не надо выслушивать упреки...

Может, где-то по полям и лугам бродят настоящие мужчины: честные, умные, добрые, ласковые, понимающие, но мне такие не попались ни разу.

Выходя замуж, я всякий раз искренне считала, что иду под венец в последний раз. Никогда не искала себе выгодного, богатого супруга, и наличие денег у жениха не являлось решающим фактором. Наверное, мне всегда казалось, что абсолютная зависимость, пусть даже от любящего и любимого человека, чревата необратимыми последствиями. А вот Соня Рогова так не считала и теперь пожинает плоды своего легкомыслия.

– У меня жуткая жизнь, – жаловалась она «сестре» любовника, – просто живу в золотой клетке. Ни друзей, ни подруг, даже поговорить не с кем!

– Отчего же? – совершенно искренне удивилась я.

– С кем попало муж не разрешает водиться, – по-детски сообщила Соня, – только с женами его приятелей, а они дуры и пираньи. Только и думают, как бы денег побольше из мужиков своих вытянуть. Мой Сергей не жадный, баксы не считает, купить могу абсолютно все, что пожелаю... Зато ревнив, как Отелло.

Очевидно, бедной бабе и впрямь не с кем пообщаться, раз вываливает все первой встречной. К тому же глаза Сони лихорадочно блестели, а крылья тонкого породистого носа нервно раздувались. Казалось, она не очень-то испугалась и удивилась визиту посторонней женщины...

– Нанял Эсфирь Григорьевну, – жаловалась Рогова, – просто сыщица. Все видит и слышит, горничные тоже докладывают, стараются. И вы еще явились, ну какого черта домой? Не могли, что ли, у Лени встретиться? Денег за молчание хотите, сколько? Брат ваш мне нравится, хороший мальчик, боюсь только, Сергей пронюхает. Знаете, под каким предлогом уезжаю из дому?

Она еще сильнее задергала носом и рассмеялась.

– Учусь на живописца. И ведь как здорово придумала! Наняла бабу безработную, одела под себя, причесала... Та и бегаёт на занятия, жуткие пейзажи малюет. Я их потом Сергею демонстрирую, очень хвалит...

Она принялась истерически хохотать, ухватила сумочку и пошла в туалет. Я осталась сидеть в полном недоумении. Ну кем надо быть, чтобы так разговаривать с незнакомым человеком? На дуру вроде не похожа, так в чём же дело?

Госпожа Рогова вернулась спокойной и рассудительной. Нервное подергивание носом тоже исчезло.

– Итак, чего вы желаете? Денег?

Вот ведь какая страшная дама: абсолютно без памяти, да ещё настроение меняется каждую секунду.

– Вы знаете Майю Колосову? – задала я встречный вопрос.

– Мышку? – удивленно переспросила банкирша. – Конечно, мы с ней в одном классе учились. Не повезло ей, бедной, живет просто в ужасающей нищете. Мы с Алькой ходили к ней на день рождения, так ушли просто в шок...

«Что же ты не помогла подружке? – подумала я. – Оставила бы ей пару сотен баксов, небось пожалела?»

Софья Николаевна продолжала ужасаться.

– На столе, представляете, стоял салат из крабовых палочек, селедка с картошкой и жуткий торт с маргаритовыми розами.

Вспомнив, с каким восторгом Майя описывала приготовленное угощение, я прервала Соню:

– Помните, куда отправили ее подрабатывать прислугой?

– Ну, – отозвалась дама, – к Никитиным, а что?

– Мне надо попасть к ним в дом и поговорить с хозяйкой.

Софья Николаевна перегнулась через стол, и ее умело накрашенное лицо оказалось прямо перед моим носом. Ноздри собеседницы вновь начали ходить ходуном, огромные, бездонные зрачки воткнулись в мои глаза.

– Странно все это, – протянула Соня, – очень странно...

Она задергала кончиком носа, и я заметила над верхней губой мельчайшие белые пылинки. Все разом встало на свои места. Рогова нюхала кокаин. Отсюда резкая смена настроения, немотивированная болтливость, сексуальная невожатанность и истеричность. Интересно, ревнивый супруг в курсе?

– Зачем вам Ванда Никитина? – продолжала вопрошать Соня. – Если хотите у нее подработать, так берет только замужних.

Интересно, на мне что, стоит клеймо одинокой женщины?

– Майя Колосова тоже не имеет супруга, – напомнила я, – вы же сами подругу на учет в брачное агентство ставили, а ее наняли...

Рогова оглядела мои брильянтовые серьги, подарок Кеши на день рождения, и тихонько уточнила:

– Вы-то ведь не прислугой хотели пойти...

– Как же еще у Никитиных можно заработать, ну секретарем, компаньонкой, назовите как угодно, все равно суть одна – горничная.

Соня истерически захохотала.

– Так ничего не знаете? Господи, ну до чего смешно!

Подождав, пока она успокоится, я обиженно спросила:

– Чего не знаю?

Софья Николаевна опять впилась в мое лицо своими глазищами. Очевидно, у нее наступил самый кайф, потому что она выглядела расслабленной, довольной и какой-то сытой, хотя и не прикоснулась к аппетитному салату из курицы.

– Слушай внимательно, – перешла она со мной на «ты», – у Никитиных дома бардак, то есть бордель.

– В каком смысле?

– В прямом, публичный дом, только необычный...

Сонечка вытащила из золотого портсигара самодельную папироску, и характерный сладковатый дым поплыл над нашим столиком. Так, она еще и травку курит. Если и дальше станет продолжать в том же духе, скоро перейдет на колеса, сядет на иглу и просто не дожидется вожденного наследства от своего банкира! Но подобные мысли, очевидно, не приходили в голову Софье Николаевне, потому что дама блаженно глотала дым и окончательно растеклась.

Ванда, бывшая жена Алексея Никитина. Вернее, не бывшая, а брошенная. Алексей Иванович не развелся с ней, а просто ушел к другой бабе. Дочке и супружнице оставил роскошный особняк, машину, но денег не дал.

– Хватит с вас того, что имеете, – категорично заявил Никитин.

Не привыкшие ни в чем себе отказывать, избалованные дамы сначала впали в транс, потом Ванде пришла на ум весьма плодотворная мысль.

В огромном трехэтажном здании проживают всего три человека, не считая прислуги, конечно. Сама Ванда, ее дочь от первого брака Юля и семилетняя Риточка, плод супружеской жизни Никитиных. Места в особняке полным-полно, комнат без счета, коридоров и ванн немерено...

Ушлая Ванда знала, что многие жены «новых русских», супербогатых людей, страдают от двух вещей – невнимательности супругов и, как ни странно, безденежья. Чаще всего это молодые девушки, всяческие «мисси», манекенщицы, неудавшиеся актрисочки, выскочившие замуж за мешок с долларами. Дурочки думали, что теперь смогут позволить себе все, и часто оказывались глубоко разочарованными. Мужья покупали им драгоценности, машины, шубы, селили в роскошных домах, но желанной наличности не давали. Скорей всего справедливо считали, что неразумные транжирки потратят сотни тысяч на глупости.

Вот и ездили красавицы на роскошных автомобилях, в эксклюзивных нарядах, но без копейки в эксклюзивных сумочках. При этом мужья, как правило, являлись с работы глубокой ночью и кулем валились в кровать, сжимая в кулаке сотовый телефон. Секс с любимой женой почти все воспринимали как ненужную докуку, что-то вроде гимнастики. Естественно, что никакой радости или удовольствия это дамам не приносило...

Бедные жены пытались заполнить бесконечные дни в меру способностей: кто прикладывался к бутылке, кто пытался завести любовников... Но иногда в некоторых домах появлялась Ванда, богато одетая дама неопределенного возраста. Распространяя удушливый аромат французской парфюмерии, Никитина предлагала крайне простой выход из создавшейся ситуации. Обалдевших от скуки девчонок приглашали к Никитиным. Одновременно, совершенно случайно, подъезжали импозантные мужчины, все как на подбор сановные и богатые. Приятный разговор в уютной, затемненной комнате с отличной выпивкой, тихая музыка... Заканчивалось все в соседнем помещении на удобной двуспальной кровати. В финале их ждал небольшой конвертик с шуршащими зелеными бумажками. Суммы, лежавшей внутри, как правило, хватало ненадолго, и вновь приходилось ехать к Никитиным.

Все действие происходило в атмосфере абсолютной тайны. Обслуживавшая прислуга подбиралась из глухонемых. Во всяком случае, горничные не умели разговаривать и объяснялись жестами. Охрана по большей части тоже молчала. Мужчин приглашали только из провинции, чтобы по Москве не пополз слухок. Клиентов хватало, в первопрестольную частенько наведывались мэры крупных российских городов, губернаторы и их замы, высшее военное

руководство... Многие хранили номер сотового Ванды, передавали его друзьям и коллегам. Но Никитина совершенно не собиралась пускать к себе всех. Вход в особняк открывался только самым проверенным, богатым и чиновным.

Неверные жены никогда не встречались друг с другом, «сеансы» были расписаны, как в бане. Женщины крепко держали язык за зубами, предпочитая потихоньку зарабатывать на булавки. Многие из них до замужества вели более чем свободный образ жизни и теперь не испытывали угрызений совести.

– А вы откуда все это знаете? – поинтересовалась я.

– Так она меня к себе приглашала, – пояснила Соня, – долго убеждала, что бояться нечего, дескать, за столько лет ни один муж ничего не узнал, но я все равно отказалась. Сергей дает деньги без счета, и мне, слава богу, нет необходимости зарабатывать телом. Лучше уж сама любовника куплю, проще как-то...

Софья Николаевна наотрез отказалась стать «девушкой по вызову». Однако, побывав в гостях у нищей Майи, решила составить подружке протекцию и позвонила Ванде. А у той как раз свалилась с гриппом одна из горничных, вот Колосову и взяли на один день.

Рогова снова суетливо задвигала руками, схватила сумочку и побежала в туалет. Я без аппетита ковыряла вилкой салат. Интересное дело! Алексей Иванович Никитин был обнаружен мертвым в багажнике моей машины. Приехавший к нему для каких-то профессиональных дел Базиль исчез. А паспорт Корзинкина лежал в сумочке одной из фифочек, ублажающих мужиков. Дело за малым, определить, чей это был ридикюльчик, и порасспрашивать хозяйку.

Глава девятая

Домой я летела словно на крыльях, хотя устала, как молотобоец.

Вернувшись в очередной раз из туалета Соня, абсолютно не удивляясь, зачем «сестре» Гаврюшина понадобилось проникать в дом Ванды, позвонила Никитиным и моментально составила протекцию. Оказалось, для семилетней Риты ищут гувернантку со знанием языка, и я могу попытать счастья в роли воспитательницы.

– Наверное, нужны рекомендации, – задумчиво протянула я, соображая, кого из подруг можно попросить о подобной услуге.

– Ритка – просто катастрофа, – спокойно резюмировала Соня, захлопывая крышечку телефона, – раньше и правда от всех чуть ли не родословную до десятого колена требовали, нанимали только через агентство, да чтобы по двадцать рекомендаций, специальное образование, справка от врача... Только ни одна нянька там больше недели не продержалась... Сколько денег ни предлагают, все равно убегают в ужасе.

– Почему?

– Увидишь сама, – загадочно сообщила Соня. – Так что теперь согласны на любую кандидатку, лишь бы хоть немного с девкой посидела. В школу-то она не ходит!

– Отчего?

Соня захихикала:

– Из четырех выгнали, да чего рассказывать, сама поймешь. Ждут завтра к часу дня. Раньше не приезжай, там только в полдень завтракать садятся.

Выкурив еще один косячок, госпожа Рогова в превосходном настроении уселась за руль «Мерседеса» и благодушно сказала:

– Ну давай, если что надо, звони, рада помочь.

Взвизгнув тормозами, роскошная машина исчезла за поворотом. Я влезла в «Вольво». А ведь неплохая баба, только наркоманка. Недолго, наверное, ей осталось ходить в леопардовом пальто. Господину банкиру скоро надоест ее более чем свободный образ жизни. Думаю, что богатый Сергей Рогов в полном курсе развлечений своей женушки. Нужна она ему, наверное, для представительских целей, вот и не прогоняет, пока новую не нашел...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.